

НОЯБРЬ.

№ 11.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

1864.

Л. СЕРЯКОВЪ

79-81
/

802-18
454

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XXII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи

1861

Отношеніе числительности войскъ къ населенію:

а) Отношеніе числительности союзной арміи (118,000 чел.):

Ко всему мужескому населенію 1 : 10,1

Къ населенію въ возр. отъ 20 до 45 лѣтъ. 1 : 3,5

б) Отношеніе числительности всѣхъ войскъ (176,000 ч.):

Ко всему мужескому населенію 1 : 7

Къ населенію въ возр. отъ 20 до 45 лѣтъ . 1 : 2,4

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ

КАПИТАНА НИКИФОРОВА

ВЪ 1841 Г.

Сношенія Хивы съ Русскими начались издавна и едва ли не восходятъ до XIV столѣтія. Съ покореніемъ Казани и Астрахани, въ Россіи появляются, кромѣ купцовъ, и посланцы отъ хановъ бухарскаго и хивинскаго. Съ своей стороны, государи наши, лаская далекихъ гостей и покровительствуя азіатской торговлѣ, видѣли въ этомъ средство сколько для поддержанія дружескаго расположенія сосѣдей, столько же, и если не болѣе, для исполненія постоянной своей мысли: проложить черезъ среднюю Азію торговый путь въ Индію.

Болѣе точныя свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ начинаются съ конца XVII столѣтія; съ этого же времени начинаетъ выясняться и характеръ той политики, которой слѣдуютъ хивинскіе владѣльцы въ отношеніи къ Русскимъ и которая сохранилась почти до настоящаго времени. Политика эта можетъ быть охарактеризована въ нѣсколькихъ словахъ: присылать безпрерывно посланцевъ съ мишурными подарками, обѣщать на словахъ, и даже на бумагѣ, полную покорность и преданность Россіи и вслѣдъ за тѣмъ, надѣясь на недоступное положеніе своей страны и на

терпѣливость сильнаго сосѣда, грабить его караваны, захватывать его подданныхъ, волновать сопредѣльныхъ къ нему Кайсаковъ и, притихнувъ на нѣкоторое время, при угрозѣ, потомъ вновь начать тѣ же обманы, грабежи и убійства.

Такъ, въ 1700 году, самъ хивинскій владѣлецъ Шаниязъ просилъ Петра Великаго о принятіи Хивы въ подданство Россіи, но, не далѣе, какъ черезъ 17 лѣтъ, съ головы посланника нашего Бековича-Черкасскаго, слишкомъ довѣрившагося Хивинцамъ, была, въ той же Хивѣ, содрана кожа, набита сѣномъ и послана къ бухарскому эмиру, какъ знакъ побѣды, а солдаты русскіе были или перебиты, или обращены въ тяжкое рабство.

Едва лишь страхъ за отмщеніе смерти Бековича успѣлъ пройти, какъ, посланнаго, въ 1731 году, для переговоровъ, артиллеріи полковника Герберга Хивинцы не только не допустили до Хивы, но даже безъ всякихъ околичностей послали ограбить на возвратномъ пути (1). Въ 1730 году, послѣдовало подданство Россіи Абуль-Хаиръ-хана Меньшой Киргизской орды съ подчиненными ему Кайсаками, а черезъ 10 лѣтъ послѣ этого событія сынъ Абуль-Хаира-Нурали былъ избранъ на Хивинское ханство.

Несмотря на то, что правителемъ Хивы былъ провозглашенъ подданный Россіи, отношенія этого владѣнія къ намъ мало измѣнились, и когда, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Нурали, вступилъ на ханство Каипъ, сынъ киргизскаго Батырь-султана, то притѣсненія русскимъ купцамъ въ Хивѣ начались снова. Относительно этого хана считаемъ нелишнимъ представить одну замѣтку изъ документовъ прошлаго столѣтія, которая служитъ какъ бы подтвержденіемъ вышесказанныхъ словъ насчетъ характера нашихъ сношеній съ Хивою.

Эта замѣтка принадлежитъ оренбургскому оберъ-коменданту и областному командиру Зенбулатову и помѣщена въ примѣчаніи рапорта его, въ 1783 году, уфимскому и симбирскому генералъ-губернатору Апухтину.

«Сей Каипъ султанъ фамиліи Батырь-султана изъ роду Ширгазы-хана, бывшаго въ Хивѣ, во время котораго посланный со здѣшнихъ сторонъ, въ 1717 году, гвардіи капитанъ князь Александръ Черкасскій съ войскомъ истребленъ. А по причинѣ того, и онъ Каипъ посланному изъ Оренбурга въ 1752 году переводчику съ караваномъ не только задержаніе, но и озлоб-

леніе учинилъ. За что по разсужденію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ презрѣніи здѣсь онъ оставленъ (2).»

Вотъ какимъ образомъ наказывались Хивинцы за грабежи русскихъ каравановъ и оскорбленія посланниковъ.

Въ 1793 году, по просьбѣ ханскаго совѣтника Авязъ-бека, былъ отправленъ въ Хиву Императрицей Екатериной II глазной врачъ, маіоръ (по другимъ свѣдѣніямъ, надворный совѣтникъ) Бланкеннагель. Несмотря на то, что зрѣніе дяди Авязъ-бека, Фазылъ-Бія, для котораго собственно и выписывался врачъ, было потеряно безвозвратно, слѣпой старикъ требовалъ, однако, неперемѣннаго исцѣленія, и къ Бланкеннагелю была приставлена стража, съ приказаніемъ не выпускать его изъ дому. Хотя въ послѣдствіи арестъ и былъ снятъ, но отъ этого положеніе врача немногимъ сдѣлалось лучше, такъ какъ хивинскіе сановники долго еще разсуждали о томъ, умертвить ли Бланкеннагеля въ Хивѣ, или на возвратномъ пути. Удачное леченіе и угроза мщеніемъ Императрицы, въ случаѣ, если Хивинцы рѣшатся на умерщвленіе, послѣ, дали возможность Бланкеннагелю, при помощи преданныхъ Туркменъ, счастливо выбраться изъ Хивы, откуда черезъ Мангышлакъ онъ направился въ Астрахань (3).

Въ 1802 году было отправлено изъ Орска посольство въ болѣе дружественную къ намъ Бухару, подъ начальствомъ поручика Гавердовскаго; но, благодаря той же Хивѣ, оно не могло достигнуть цѣли. Получивъ извѣстіе, что переправа на Сыръ у перевоза Майлибашъ занята враждебными толпами Хивинцевъ и Киргизовъ, Гавердовскій, не доходя 80 верстъ до рѣки, принужденъ былъ повернуть назадъ и возвратиться въ Орскъ.

Въ 1819 году ѣздилъ съ Кавказа въ Хиву генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ. Затрудненія, встрѣченныя этимъ офицеромъ при переговорахъ, заточеніе его и едва не состоявшееся рѣшеніе хивинскаго правительства о преданіи Муравьева смерти показали, что хивинская политика въ отношеніи Россіи немного измѣнилась къ лучшему со временъ Бековича (4).

Въ 1824 году выступилъ съ Оренбургской линіи караванъ, подъ прикрытіемъ отряда полковника Цюлковскаго, но, дойдя до урочища Биштюбя, въ пескахъ Кизиль-Кумъ, былъ остановленъ разбойничей партіей изъ Хивинцевъ и Киргизовъ и принужденъ возвратиться въ Орскъ.

Такимъ образомъ, ни одна поѣздка въ Хиву не проходила русскимъ посламъ безъ затрудненій и даже оскорбленій со стороны Хивинцевъ; купеческіе же караваны испытывали еще большія бѣдствія.

Имѣя небольшія крѣпостцы на устьяхъ Сыра и Кувана и держа тѣмъ въ подчиненіи кочевавшихъ здѣсь Киргизовъ, хивинское правительство, на основаніи этого, присвоило себѣ полное право не только собирать значительныя пошлины съ каравановъ нашихъ, направлявшихся собственно въ Хиву, но такимъ же притѣсненіямъ, и часто даже грабежу, подвергало и тѣ изъ нихъ, которые шли въ Бухару, а равно и возвращались оттуда. Не ограничиваясь поборами на Сырѣ, оно подвергало четверной противу своихъ торговцевъ пошлнѣ товары нашихъ купцовъ въ самой Хивѣ, не считая тѣхъ личныхъ оскорбленій, которыя дѣлались купцамъ или ихъ прикащикамъ, какъ христіанамъ.

Всѣ эти оскорбленія, вѣроятно, еще долго проходили бы даромъ Хивѣ, если бы къ нимъ не присоединялось постоянно одно дѣйствіе, громко вопіявшее о возмездіи: это захватъ нашихъ плѣнныхъ и содержаніе ихъ въ Хивѣ въ тяжкомъ рабствѣ. Дѣйствительно, въ то время, когда во всѣхъ европейскихъ державахъ принимались самыя энергическія мѣры къ прекращенію торгога невольниками, подданные русской державы, при посредствѣ Киргизовъ, и въ особенности Туркменъ, захватывались чуть не кучами на Каспійскомъ морѣ, и даже на самой Оренбургской линіи, и доставлялись въ Хиву для публичной продажи, въ которой нерѣдко принималъ участіе и самъ ханъ. Всѣ наши требованія по этому предмету оставались безъ послѣдствій, а между тѣмъ, несчастные страдалцы и на словахъ, и на бумагѣ, чрезъ пріѣзжихъ купцовъ и Киргизовъ, постоянно взывали къ начальникамъ Оренбургскаго края объ освобожденіи. Размѣры такой варварской торговли достигли до того, что, въ 1835 году, русскихъ плѣнныхъ насчитывали въ Хивѣ до нѣсколькихъ сотъ чело-
вѣкъ. Путемъ мирныхъ переговоровъ получить плѣнныхъ намъ не удавалось, ассигновать же постоянную сумму на ихъ выкупъ, какъ это сначала предполагали, не могло допустить достоинство имперіи, да, притомъ же, эта мѣра, при алчности Хивинцевъ, развила бы въ нихъ еще болѣе страсть къ захвату людей. Такимъ образомъ, оставалось одно только средство: принять противъ главныхъ хищниковъ болѣе энергическую систему дѣйствій.

Началомъ этой системы послужило Высочайшее повелѣніе о внезапномъ арестованіи всѣхъ хивинскихъ подданныхъ на юго-восточныхъ предѣлахъ имперіи и секвестрованіи ихъ товаровъ и имущества. Въ то же время, было отправлено къ хивинскому владѣльцу письмо отъ оренбургскаго военного губернатора, въ которомъ, отъ имени государя, генералъ-адъютантъ Перовскій, между прочимъ, писалъ хану Алла-Кулу:

«Дѣла ваши дурны, а отъ дурныхъ сѣмянъ дурной плодъ. Если хотите еще вовремя опомниться, то вышлите немедленно всѣхъ русскихъ плѣнниковъ и дайте слово свое вести себя впредь мирно и дружелюбно, не поощряйте грабежей и разбоевъ, не мѣшайтесь въ управленіе кайсацкаго народа, дайте подданнымъ Императора всероссійскаго тѣ же права у васъ, какія онъ даетъ у себя вашимъ, и старое будетъ забыто.» (5)

Кромѣ сего, въ письмѣ было сказано также, что до исполненія всѣхъ нашихъ справедливыхъ требованій никакое хивинское посольство принято не будетъ и никакіе переговоры не могутъ имѣть мѣста.

Несмотря на такія распоряженія, Хивинцы, по прежнему, отвѣчали уклончиво, писали грамоты, хотѣли прежде выманить своихъ купцовъ, и прошло довольно времени прежде, чѣмъ они почувствовали дѣйствіе мѣръ, принятыхъ противъ нихъ русскимъ правительствомъ. Наконецъ, когда обнаружилось, что собственныя ихъ произведенія потеряли сбытъ, что главную свою потребность въ чугунѣ, желѣзѣ, мѣди, юфти и проч. они ни откуда не могутъ удовлетворить, кромѣ Россіи или изъ третьихъ рукъ черезъ Бухару, тогда они рѣшились, въ 1837 году, прислать 25 плѣнниковъ и значительные подарки (6).

Но подарки были отвергнуты, арестъ купцовъ не отмѣненъ, а всѣ наши требованія повторены съ болѣею настойчивостію.

Прошло около двухъ лѣтъ, и Хива прислала еще 80 плѣнныхъ и нѣсколько писемъ, полныхъ раскаянія, а, между тѣмъ, черезъ Туркменъ усилила грабежи на Каспійскомъ морѣ, и 200 вновь захваченныхъ рыбопромышленниковъ наполнили ся невольничьи рынки.

Отвѣтомъ на такія дѣйствія служило Высочайшее повелѣніе наказать Хивинцевъ силою оружія.

Осенью 1839 года, была обнародована въ Оренбургскомъ

краѣ декларація о причинахъ и цѣли военныхъ противу Хивы дѣйствій, и вслѣдъ затѣмъ двинулся къ предѣламъ Хивы отрядъ, подъ начальствомъ генерала Перовскаго. Страшные морозы и мятели въ зиму съ 39 на 40 годъ, развившіяся въ отрядѣ болѣзни и другія обстоятельства, какъ извѣстно, были причинами, что отрядъ не могъ достигнуть предназначенной цѣли и возвратился въ Оренбургъ; но такая неудача не остановила правительства, и вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе готовиться къ новому походу на Хиву. Дѣло принимало видъ нешуточный, плѣнные купцы писали на родину о нашихъ приготовленияхъ, и, раззоряемые перерывомъ торговли, Хивинцы поняли наконецъ, что имъ необходимо смириться. Дѣйствительно, лѣтомъ 1840 года, прибыли изъ Хивы посланецъ Атаніязъ-Ходжа и съ нимъ 418 человекъ плѣнныхъ, а также и содержавшійся въ Хивѣ офицеръ нащъ Антовъ. Въ то же время, хивинскій ханъ издалъ (18 іюля) фирманъ слѣдующаго содержанія:

«Слово отца побѣдъ, побѣдителей и побѣжденныхъ харезмскаго шаха.

«Повелѣваемъ подданнымъ нашего харезмскаго повелительнаго двора, пребывающаго въ райскихъ веселыхъ садахъ, управляющимъ отдѣльными странами, начальствующимъ надъ яумудскимъ и чаудурскимъ туркменскими народами, всѣмъ храбрымъ воинамъ, бѣямъ и старшинамъ народовъ киргизскаго и каракалпачкаго и вообще всѣмъ блистающимъ въ нашемъ царствованіи доблестными подвигами, что по дознаніи о сей нашей высокой грамотѣ, которая издана въ лѣто отъ эры благословеннаго пророка нашего 1256 (мышиное), въ мѣсяцъ джума-дилванъ, о томъ, что мы вступили съ великимъ россійскимъ Императоромъ въ дѣла миролюбія, съ твердымъ намѣреніемъ искать его высокой дружбы и пріязни; отнынѣ никто не долженъ дѣлать набѣги на русское владѣніе и покупать русскихъ плѣнныхъ. Если же кто въ противность сего высокаго повелѣнія нашего учинитъ на русскую землю нападеніе или купить русскаго плѣннаго, тотъ не избѣгнетъ нашего царскаго гнѣва и должнаго наказанія, о чемъ и обнародывается симъ всемилостивѣйшимъ нашимъ повелѣніемъ въ лѣто 1256 (1840).»

На подлинномъ приложена печать хивинскаго хана.

Обнародованіе такого фирмана и исполненіе главнѣйшаго нашего требованія по освобожденію плѣнныхъ были причинами,

что государь, не желая прибѣгать къ силѣ оружія, повелѣлъ: допустить хивинскаго посланца въ Петербургъ, освободить арестованныхъ купцовъ и, возвративъ имъ товары, отпустить на родину. Въстѣ съ тѣмъ, повелѣно было возобновить съ Хивою торговые сношенія, а насчетъ другихъ условій войти съ хивинскимъ правительствомъ въ переговоры (7).

Такъ прекратились на этотъ разъ несогласія, возникшія между Россією и слабымъ по населенію (300,000 душъ) (8), но сильнымъ по недоступному положенію азіатскимъ государствомъ; оставалось только, пользуясь благопріятной минутой, войти въ непосредственныя сношенія съ самимъ ханомъ. Предлогъ былъ хорошій: надо было изъяснить Алла-Кулу удовольствіе государя за отпускъ плѣнныхъ, отплатить за многократныя визиты въ Россію хивинскихъ посланцевъ и окончательнымъ актомъ установить наши отношенія къ Хивѣ. Къ тому же, и всякія неудачи, дѣлая людей болѣе опытными, заставляютъ ихъ дѣйствовать осмотрительнѣе. Такъ было и здѣсь. При возможности втораго похода на Хиву, являлась надобность въ сборѣ болѣе положительныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этомъ владѣніи, изслѣдовать новые пути и вообще познакомиться съ военными и другими средствами страны, мысль о войнѣ съ которой, несмотря на переговоры, еще не могла такъ скоро выйти изъ головы окружающихъ Перовскаго лицъ.

Поэтому, вскорѣ по высылкѣ послѣднихъ плѣнныхъ, генераломъ Перовскимъ было представлено соображеніе объ отправленіи, раннею весною 1841 года, нашихъ агентовъ въ государства Турана, т. е. Бухару, Хиву и Коканъ, при чемъ агентъ въ послѣднее ханство долженъ былъ сперва направиться въ Бухару.

Временными агентами предназначались: въ Бухару — горный офицеръ, а въ Коканъ и Хиву — офицеры генеральнаго штаба; постоянныхъ же въ первыя два владѣнія предполагалось назначить впослѣдствіи, а въ Хиву — поручика Антова.

На содержаніе временныхъ агентовъ въ продолженіе года высчитано было 32,000, а постоянныхъ 24,000 р. сер.

По разсмотрѣніи этихъ предположеній въ Петербургѣ, зимою 1841 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о посылкѣ въ Бухару горнаго инженеръ-маіора Бутенева, а въ Хиву — генеральнаго штаба капитана Никифорова.

Отправляя своего агента въ полуварварскую страну безъ на-

дежды имѣть съ нимъ вѣрное и частое сообщеніе, противопоставляя его лицомъ къ лицу съ изобрѣтательнымъ на обманы азіатскимъ правительствомъ, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, кромѣ Высочайшей грамоты и письма вице-канцлера къ хану, снабдило еще Никифорова подробной общей инструкціей и нѣсколькими частными, не только касательно цѣли и способа веденія возлагаемыхъ на него переговоровъ, но и относительно обращенія съ ханомъ и главнѣйшими его сановниками.

Содержаніе Высочайшей грамоты было слѣдующее:

«Обладателю Хивы, высокостепенному Аллахъ-Кули-Хану, Наша Императорскаго Величества благопріязнь и доброе привѣтствіе.

«Посланникъ вашъ Атаніязъ Ходжа-Резизъ-Муфтіи, удостоясь предстать предъ Нашимъ Императорскимъ Величествомъ, изустно подтвердилъ Намъ отъ вашего имени увѣренія въ искреннемъ желаніи вашемъ установить пріязненные сношенія съ Имперіею Россійскою и прекратить всякія враждебныя дѣйствія противъ Нашихъ подданныхъ. Принявъ во вниманіе таковое благородное ваше намѣреніе, ознаменованное уже исполненіемъ съ вашей стороны одного изъ главныхъ требованій Нашихъ, Мы изъявляемъ вамъ также Нашу готовность покровительствовать установленію и упроченію добрыхъ сосѣдственныхъ сношеній подвластныхъ Намъ народовъ съ Хивинцами.

«Съ сею цѣлію Мы повелѣли отправить въ Хиву, вмѣстѣ съ возвращающимся туда посланникомъ вашимъ, довѣренное отъ Насъ лицо, Нашего капитана Никифорова. На него возложили Мы доставленіе вамъ сей Нашей грамоты и нѣкоторыхъ вещей, посылаемыхъ къ вамъ въ знакъ Нашего расположенія. Ему же поручили мы также изъяснить вамъ основанія и условія, кои могутъ способствовать неизбѣжному утвержденію пріязни между Россійскими владѣніями и Хивою. Мы желаемъ, чтобы вы давали полную вѣру всему тому, что капитанъ Никифоровъ доведетъ до свѣдѣнія вашего, и надѣемся, что вы будете дѣйствіями своими вполне соответствовать видамъ справедливости и взаимной пользы. За симъ желаемъ вамъ всѣхъ возможныхъ благъ.

«Дана въ столичномъ Нашемъ городѣ С.-Петербургѣ, марта 15 дня 1841 года, царствованія же нашего въ шестнадцатое лѣто.»

Письмо вице-канцлера заключало въ себѣ выраженіе удовольствія вслѣдствіе возвращенія ханомъ русскихъ плѣнныхъ и изданія фирмана 18 іюля. Въ немъ, кромѣ того, говорилось о благосклонномъ пріемѣ хивинскаго посланца Атаніяза Государемъ Императоромъ, объ отправленіи въ Хиву капитана Никифорова и поручика Аитова и излагалась просьба, чтобы впослѣдствіи, при необходимости какихъ либо объясненій съ нами, ханъ обращался къ оренбургскому военному губернатору, какъ ближайшему къ Хивѣ пограничному начальнику.

Что касается до общей инструкціи, то, изложивъ предшествовавшія наши отношенія къ Хивѣ и упомянувъ о фирманѣ хана отъ 18 іюля, она, въ слѣдующихъ словахъ, объясняетъ агенту сущность возлагаемаго на него порученія:

«Теперь остается принять мѣры къ предупрежденію, по возможности, на будущее время возобновленія несогласій (Хивы съ Россіею) и къ обезпеченію безопасности Россійскихъ торговцевъ. Это самое составляетъ главную цѣль, для которой вы командируетесь въ Хиву....»

Затѣмъ, отъ этой общей мысли переходя къ подробностямъ, инструкція указываетъ уже болѣе опредѣленно на тѣ условія, которыя должны служить предметами переговоровъ агента съ хивинскимъ правительствомъ, а именно:

- 1) «Уничтоженіе рабства и плѣненія Русскихъ и обезпеченіе лицъ и имуществъ ихъ въ Хивинскомъ ханствѣ.
- 2) «Ограниченіе незаконнаго вліянія Хивы на кочевыя племена, издревле поступившія въ подданство Россіи, и
- 3) «Обезпеченіе торговли нашей какъ съ Хивою, такъ и съ сосѣдственными владѣніями.»

Опираясь на фирманъ 18 іюля, министерство не предполагало, чтобы хивинское правительство оказало какое либо особое сопротивленіе по первой статьѣ; но за то въ возможности получить отъ хана согласіе на остальные требованія и въ самой инструкціи замѣтно нѣкоторое сомнѣніе.

Упомянувъ о подданствѣ Россіи, въ прошедшемъ еще столѣтіи, Киргизовъ Меньшой и Средней орды, Каракалпаковъ и Туркменовъ и о послѣдовавшемъ, несмотря на эту присягу, утвержденіи надъ Киргизами, кочующими по Сыру и по Усть-Урту, а также надъ Туркменами и Каракалпаками, власти хивинскихъ владѣльцевъ, инструкція вслѣдъ засимъ говоритъ:

«Намѣреніе правительства по сему предмету состоитъ въ томъ, чтобы, не отрицая принадлежащаго оному (то есть правительству) права владѣнія, не входить теперь въ положительныя объясненія насчетъ настоящаго оному рубежа. А потому вы должны будете въ разговорахъ съ хивинскимъ ханомъ уклоняться отъ опредѣлительнаго объясненія, до какихъ именно мѣстъ должны простирались владѣнія Россійской Имперіи въ степи, и будете ограничиваться однимъ общимъ подтвержденіемъ о присягѣ, принесенной тѣми кочевыми народами на подданство Россіи.»

Далѣе же говорится, что такъ какъ настоящіе переговоры имѣютъ цѣлью сохранить порядокъ и тишину въ степи и обезопасить торговля сообщенія, то, не отвергая принадлежащаго Россіи права на сказанные кочевые народы, правительство наше не находитъ неудобства согласиться, чтобы впредь до усмотрѣнія тѣхъ племенъ, которыя кочуютъ къ югу отъ Сыръ-Дарьи, Давлетъ-Гирея и Ново-Александровскаго укрѣпленія, оставались въ управленіи хивинскаго владѣльца, съ правомъ собирать съ нихъ зякетъ, но и съ тѣмъ, однакожь, чтобы онъ отвѣчалъ за всѣ ихъ грабежи, разбои и выдавалъ, по требованію нашему, скрывающихся у нихъ бѣглецовъ и мятежниковъ. Затѣмъ—продолжается инструкция—«должны быть, слѣдовательно, прекращены всякія *неблагонамѣренныя сношенія* Хивинскаго ханства съ кочевыми народами, къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи и Усть-Урта кочующими....»

Вторая статья заключала въ себѣ всю важность посольства и была, главнѣйшимъ образомъ, причиною возникнущаго впоследствии затрудненія въ переговорахъ Никифорова съ хивинскимъ правительствомъ, которое, по своимъ понятіямъ не только 20 лѣтъ назадъ, но даже въ настоящее время, едва ли въ состояніи отказаться отъ незаконныхъ поборовъ и отличить права владѣльца отъ правъ управителя.

При подробномъ развитіи третьей статьи переговоровъ, инструкция налагала на агента исходатайствовать: 1) разрѣшеніе русскимъ купцамъ свободно пріѣзжать въ Хиву и торговать своими товарами во всѣхъ селеніяхъ и городахъ ханства, съ отвѣтственностію хана за неприкосновенность лицъ и имуществъ торговцевъ; 2) установленіе, на привозимые купцами нашими и ихъ прикащиками товары, необременительныхъ пошлинъ, которыя бы взимались только единожды; 3) допущеніе, при оцѣнкѣ

товаровъ для взиманія пошлинъ, участія русскаго чиновника; 4) прекращеніе производившихся Хивинцами въ степи насильственныхъ остановокъ каравановъ и уничтоженіе устроенныхъ близъ Сыръ-Дарьи укрѣпленій, и, наконецъ, 5) прекращеніе со стороны Хивинцевъ всякихъ препятствій не только караванамъ собственно русскимъ, но даже и азійскимъ вообще, идущимъ въ Россію или возвращающимся изъ оной.

При этомъ указывались агенту доводы, которые онъ долженъ былъ привести, чтобы убѣдить хана въ справедливости нашихъ требованій. Эти доводы главнымъ образомъ заключались въ указаніи хану тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются въ Россіи Азіатцы передъ прочими иностранными торговцами, и въ ссылкѣ на торговлю Россіи съ другими магометанскими державами, Персіей и Турціей, въ которыхъ взимается постоянно по 3 и по 5 процентовъ пошлины съ цѣнности нашихъ товаровъ, то есть такіе проценты, какихъ хотѣлось намъ добиться и въ Хивѣ, въ замѣнъ прежнихъ 10.

Въ случаѣ же несогласія на пятипроцентную пошлину, предписывалось агенту, по крайней мѣрѣ, склонить хана на исполненіе всѣхъ другихъ требованій статьи.

По принятіи изложенныхъ выше условій, Никифоровъ долженъ былъ еще обезпечить пребываніе въ Хивѣ русскаго чиновника, на что уже было выражено желаніе самимъ Алла-Куломъ черезъ посланца Атаніяза. Въ постоянные агенты, какъ извѣстно, предназначался состоящій при нашей миссіи переводчикомъ поручикъ Аитовъ, бывавшій въ Хивѣ и прежде, и, какъ мусульманинъ, успѣвшій тамъ завести нѣкоторыя связи.

При благопріятномъ исходѣ переговоровъ, предписывалось склонить хана къ составленію акта или трактата и только въ крайности удовольствоваться тѣмъ, чтобы всѣ постановленныя условія были помѣщены въ письмѣ, которое ханъ адресуетъ на имя государя, при возвращеніи миссіи въ Россію.

Въ случаѣ же дурнаго пріема предложеній, агентъ обязывался до послѣдней степени превозмочь затрудненія и, при несообразности дѣйствій Хивинцевъ съ достоинствомъ его званія, не приступать ни къ чему до благопріятной перемѣны, при безнадѣжности же на послѣднюю—возвратиться безъ всякихъ переговоровъ въ Россію.

Въ заключеніе же инструкции было сказано:

«Главная цѣль посылки вашей есть не столько приобрѣтеніе вещественныхъ выгодъ для Россіи, какъ упроченіе довѣрія къ ней Хивы, и этою цѣлью вы должны руководствоваться во всѣхъ поступкахъ вашихъ, какъ важнѣйшимъ условіемъ для будущаго политическаго вліянія Россіи на сосѣдственныя съ нею ханства Средней Азіи (9).»

Таковы были условія переговоровъ, возложенныхъ общей инструкціей на капитана Никифорова; но, кромѣ того, ему были даны нѣкоторыя дополнителныя инструкціи.

Независимо отъ министерства, Никифоровъ получилъ еще три инструкціи отъ оренбургскаго военнаго губернатора, генералъ-адъютанта Перовскаго, содержаніе которыхъ было слѣдующее:

Первая указывала на военно-топографическія свѣдѣнія, которыя, при возможности, миссія должна собрать о Хивинскомъ ханствѣ. Свѣдѣнія эти сгруппированы въ два отдѣла: 1) топографія ханства; 2) стратегическое обозрѣніе. Для руководства Никифорова препровождались къ нему при этой инструкціи два описанія ханства, историческій обзоръ сношеній его съ Россіею и распросная карта Хивы (10).

Вторая объясняла: составъ, снаряженіе и довольствіе миссіи, путь, для нея избранный, отношенія ея къ возвращавшимся въ Хиву посланцамъ и въ заключеніе цѣль командировки миссіи, образъ предстоявшихъ ей дѣйствій и возвращеніе (11).

Оставляя покуда въ сторонѣ первую половину инструкціи, рассмотримъ теперь только ту ея часть, которая относится собственно до веденія переговоровъ. Хотя здѣсь въ главныхъ чертахъ и выражены тѣ же мысли, что и въ предписаніяхъ министерства, но, тѣмъ не менѣе, находимъ нелишнимъ еще разъ обратиться къ этому предмету, чтобы яснѣе видѣть, какимъ образомъ одновременно на одно и то же дѣло смотрѣли Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и оренбургскій военный губернаторъ.

По мнѣнію Перовскаго, упроченіе довѣрія къ намъ Хивы могло быть достигнуто только двумя способами: во первыхъ, собственнымъ сближеніемъ Никифорова съ ханомъ; во вторыхъ, побужденіемъ Алла-Кула оставить при себѣ поручика Айтова. Результатами же этого довѣрія, какъ полагалъ военный губернаторъ, должно быть со стороны Хивы исполненіе тѣхъ трехъ статей переговоровъ, на которыя указывало министерство.

Находя, что большая часть требованій относительно сво-

боднаго проѣзда и торговли нашихъ купцовъ въ Хивѣ признана уже на дѣлѣ самимъ Алла-Куломъ, какъ отпускомъ плѣнныхъ и фирманомъ, такъ и дѣйствіями хана съ тѣми изъ русскихъ прикащиковъ, которые ходили въ предшествовавшемъ году въ Хиву, Перовскій полагалъ, что по этому вопросу слѣдуетъ только настаивать о продолженіи начатаго ханомъ образа дѣйствій и вступать въ переговоры при благоприятныхъ обстоятельствахъ, и то въ слѣдующемъ смыслѣ:

1) *Объ отвѣтственности хана за грабежъ русскихъ подданныхъ.* «Переговоры по сему вести съ крайней осторожностію, ибо, какъ говоритъ Перовскій, при слишкомъ ясномъ развитіи основаній, въ инструкціи изложенныхъ, легко можетъ быть, что ханъ будетъ самъ возбуждать къ грабежамъ и, подѣлившись тайно добычею съ грабителями, потомъ повѣситъ одного изъ нихъ, для исполненія условій Россіи.»

2) *Относительно права разѣзда русскихъ подданныхъ по ханству.* Въ избѣжаніе могущихъ возникнуть впослѣдствіи, при требованіи этого права, недоразумѣній, предметъ этотъ или вовсе исключить изъ переговоровъ, или ограничиться требованіемъ о продолженіи даннаго въ предшествовавшемъ году ханомъ позволенія ѣздить нашимъ прикащикамъ въ городъ Новый-Ургенчъ.

3) *Относительно пошлины.* Положительно не соглашаться на 5 процентовъ, а настаивать, чтобы пошлина не превышала взысканной съ прикащиковъ нашихъ въ предшествовавшемъ году, то есть 2½ процентовъ съ дѣйствительной цѣны ввозимыхъ товаровъ. Оцѣнку же товаровъ устанавливать не иначе, какъ при посредствѣ русскаго агента. Переходя къ ограниченію власти Хивы надъ Киргизами и предполагая со стороны Алла-Кула встрѣтить просьбу объ уничтоженіи Ново-Александровскаго укрѣпленія, Перовскій предлагаетъ возражать и настаивать по этимъ предметамъ въ такомъ смыслѣ: что все восточное побережье Каспійскаго моря до устья Гюргеня должно быть признаваемо безусловно принадлежащимъ имперіи, какъ потому, что тамъ еще въ XVIII столѣтіи были устроены наши крѣпости и населяющее побережье Туркмены приняли присягу на подданство Россіи, такъ и по той причинѣ, что Хивинцы, не имѣя флота, не могутъ имѣть и притязаній на море. Что же касается до уничтоженія сыръ-дарьинскихъ крѣпостей, то, въ случаѣ затрудненій по этому требованію, достигнуть, по крайней мѣрѣ,

хоть отмѣны пошлиннаго сбора при рѣкѣ Сырѣ. Затѣмъ въ отношеніи посылаемыхъ въ нашу степь хивинскихъ агентовъ объявить частнымъ образомъ хану, что на будущее время всякій посланный будетъ принятъ за возмутителя и подвергнутъ смертной казни.

Въ отношеніи образа дѣйствій, Никифорову предписывалось стараться внушить хану довѣріе къ себѣ и въ особенности къ Антоу.

Придавая, какъ видно, особую важность письменнымъ объясательствамъ, Перовскій настаиваетъ на составленіи акта, советуя, для лучшаго убѣжденія Алла-Кула, объяснить ему, что подобные акты заключаются только съ значительными, состоящими съ нами въ дружбѣ владѣльцами, какъ, напримѣръ, турецкій султанъ; примѣръ же Персіи — говоритъ онъ — приводимъ быть не долженъ, потому что держава эта находится у всѣхъ средне-азіатскихъ народовъ въ большомъ презрѣніи.

Кромѣ инструкцій, Никифорову были даны для доставленія въ Хиву письма Перовскаго къ хану и мяхтеру и впоследствии присланъ еще отвѣтъ вице-канцлера на грамоту Алла-Кула, привезенную незадолго до выступленія миссіи изъ Оренбурга посланцемъ Ишніязъ-Баемъ ⁽¹²⁾.

Будучи уже въ пути, Никифоровъ получилъ еще одно предписаніе Перовскаго ⁽¹³⁾ относительно неумѣстнаго вмѣшательства хивинскаго хана въ дѣла нашихъ Киргизовъ. Предписаніе это было дано по слѣдующему случаю. Въ то время, когда Никифоровъ приготовлялся къ отъѣзду, появился между Киргизами, кочующими по сѣверной окраинѣ Усть-Урта и по рѣкѣ Уилу, хивинскій чиновникъ Карли-махремъ. Онъ былъ присланъ ханомъ для разбирательства разныхъ ссоръ между родами алимулинскимъ, байулинскимъ и табынскимъ и привезъ къ этимъ Киргизамъ отъ своего повелителя грамоту ⁽¹⁴⁾. Такія распоряженія хивинскаго правительства въ нашей степи, по возможности, не допускались и прежде, тѣмъ менѣе они могли быть дозволены теперь, когда одною изъ главныхъ обязанностей миссіи было постановлено требовать отъ Алла-Кула положительнаго невмѣшательства въ дѣла нашихъ Киргизовъ; поэтому хивинскій чиновникъ былъ схваченъ и потомъ переданъ агенту, для доставленія въ Хиву.

Исчисливъ возложенныя на Никифорова порученія, взглянемъ на тѣ средства, которыми располагала его миссія для достиже-

нія указанныхъ ей цѣлей. Средства эти были двухъ родовъ: одни заключались въ личныхъ достоинствахъ главныхъ чиновъ миссіи, а другія въ обстановкѣ и денежномъ ея снабженіи.

Въ описываемое время Никифорову было 34 года. Службу онъ началъ подпрапорщикомъ въ Вологодскомъ полку, въ 1823 году. Формуляръ не обозначаетъ, гдѣ получилъ образованіе Никифоровъ; но изъ разсказа его сослуживцевъ извѣстно, что онъ слушалъ курсъ наукъ въ юнкерской школѣ, образованной графомъ Толемъ при штабѣ бывшей 1-й арміи, откуда воспитанники предназначались для занятій по генеральному штабу. Почему Никифорову не удалось попасть въ тотъ родъ службы, къ которому онъ готовилъ себя въ юности, сказать трудно; изъ послужнаго же списка видно, что изъ Вологодскаго полка онъ былъ переведенъ въ саперы и что турецкая кампанія 1828 — 1829 годовъ была пройдена имъ съ замѣчательнымъ отличіемъ. Въ 1833 году Никифорова перевели въ линейный оренбургскій № 2-го баталіонъ, гдѣ онъ и оставался до 1835 года, то есть до времени поступленія въ генеральный штабъ.

Вслѣдствіе чего сдѣланъ былъ переводъ изъ высшаго рода службы въ низшій, то есть изъ саперъ въ линейную пѣхоту, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что формуляръ по этому случаю замѣчаетъ только: всѣ переводы производились по волѣ начальства. Находясь уже въ генеральномъ штабѣ, Никифоровъ былъ командированъ, въ 1835 году, для производства глазомѣрной съемки между Ураломъ, Уемъ, Тоболомъ и Кумакомъ; съ 16 ноября 1839 года по 13 апрѣля 1840 года находился въ зимнемъ походѣ противу Хивы и въ томъ же 1840 году участвовалъ въ экспедиціи въ степь для составленія топографическаго обзорѣнія путей, ведущихъ къ Аральскому морю и заливу Каратамаку. Такимъ образомъ, прежде поѣздки въ Хиву, Никифорову представлялись случаи для изученія степи и характера ея обитателей, и дѣятельное участіе, принятое въ снаряженіи экспедиціи Перовскаго, заставившее его ознакомиться со всѣми имѣвшимися тогда свѣдѣніями о средне-азіатскихъ ханствахъ, равно и сообщеніе ему для прочтенія различной по азіатскимъ дѣламъ дипломатической переписки Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, должны были значительно увеличить запасъ его свѣдѣній о странахъ, въ которыхъ ему предстояло дѣйствовать.

Что касается нравственныхъ качествъ Никифорова, то должно

сказать, что въ этомъ отношеніи у насъ имѣлись данныя весьма скудныя, частью полученныя отъ нѣкоторыхъ его сослуживцевъ. Изъ данныхъ этихъ можно заключить, однакожь, что Никифоровъ былъ одаренъ наблюдательнымъ умомъ и вообще былъ человѣкъ смѣлый и самолюбивый.

Неудачи и оскорбленія, испытанныя по службѣ и сильно дѣйствовавшія на его болѣзненную натуру, развили въ характерѣ его жолчность и особаго рода раздражительность, доходившую иногда до изступленія. Во время поѣздки съ миссіей, Никифоровъ страдалъ уже аневризмомъ, о существованіи котораго, какъ онъ самъ сознается въ одномъ изъ своихъ писемъ, узналъ только по прибытіи въ Хиву ⁽¹⁵⁾.

Мухамедъ-Шарифъ-Рахметъ-уллинь Аитовъ началъ службу въ 1817 году, въ бугульминскомъ земскомъ судѣ сверхштатнымъ писцомъ, откуда, въ 1820 году, переведенъ на должность толмача въ оренбургскую пограничную комиссію. Находясь въ комиссіи, Аитовъ нѣсколько разъ былъ командированъ въ степь, гдѣ хорошо познакомился съ характеромъ и бытомъ Киргизовъ, а живя въ Оренбургѣ, имѣлъ случай сходиться съ прѣзжавшими въ этотъ городъ хивинскими посланцами и купцами. Въ 1839 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Аитовъ былъ отправленъ къ Киргизамъ, кочующимъ вдоль сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря, для найма и доставки верблюдовъ въ Эмбенское укрѣпленіе, подъ экспедиціонный отрядъ Перовскаго; 12 января захваченъ шайкою враждебныхъ Киргизовъ, а въ февралѣ отведенъ чрезъ Ибрагимъ-Ата, Старый-Ургенчъ въ Хиву, куда и прибылъ 4 марта 1840 года. Здѣсь, если вѣрить показаніямъ Аитова, несмотря на тревожное состояніе умовъ по случаю движенія Русскихъ, онъ держалъ себя съ достоинствомъ, на всѣхъ вопросахъ отвѣчалъ бойко и твердо и успѣлъ расположить къ себѣ Алла-Кула и нѣкоторыхъ его чиновниковъ. Пребываніе Аитова въ Хивѣ продолжалось до конца іюля, когда, вмѣстѣ съ другими русскими плѣнными, онъ былъ отпущенъ въ Оренбургъ, куда и прибылъ въ августѣ мѣсяцѣ ⁽¹⁶⁾.

Какъ сильно Аитовъ, по мусульманскимъ обычаямъ, благоговѣлъ передъ особой хана и въ какой степени, по своимъ вѣрованіямъ, допускалъ возможность вести переговоры въ ущербъ единовѣрцевъ, положительно сказать нельзя; но, во всякомъ слу-

чаѣ, каковы бы ни были его задушевныя убѣжденія, наружно онъ всегда дѣйствовалъ и говорилъ въ пользу Русскихъ.

Такую оговорку мы сдѣлали потому, что каковы бы ни были таланты начальника миссіи, отправленной въ азійское государство, но если онъ самъ не можетъ говорить съ туземцами, то всегда при переговорахъ переводчикъ будетъ играть одну изъ важнѣйшихъ ролей; отъ умѣнья его ловко перевести фразу, придать ей въ извѣстныхъ случаяхъ особое значеніе, сгладить иногда рѣзкія выраженія агента и, въ то же время, сохранять его достоинство весьма часто зависитъ успѣхъ всего дѣла.

Обстановка миссіи Никифорова не была слишкомъ грандіозна; въ составѣ ея, кромѣ Антова, находились: письмоводитель — изъ казачьихъ офицеровъ Оренбургскаго войска, два топографа, 12 уральскихъ казаковъ и 10 Киргизовъ; при миссіи слѣдовалъ также оренбургскій купецъ Дѣевъ. Для начальника миссіи были отпущены казенная лошадь, кибитка и 5 верблюдовъ, а вообще же для всей миссіи назначено: 15 лошадей, 2 кибитки, 5 юла-мекъ и 41 верблюдъ; кромѣ того, она была снабжена различными хозяйственными вещами и чертежными припасами ⁽¹⁷⁾.

Подарки, отпущенныя агенту, имѣли тройное назначеніе: одни посылались отъ Высочайшаго двора хивинскому хану: въ нихъ заключались четыре куса сукна, два куса шелковыхъ матерій, три куса бархата венеціанскаго, два куса парчи, серебряный чайный сервизъ и къ нему дюжина фарфоровыхъ чашекъ, расписанныхъ цвѣтами съ позолотой; другіе — отъ оренбургскаго военнаго губернатора хивинскому министру (михтеру) и, наконецъ, третьи, предоставлялись въ распоряженіе самого агента, для употребленія по его усмотрѣнію ⁽¹⁸⁾.

Для покрытія расходовъ, Никифорову было выдано, примѣрно на 6 мѣсяцевъ, 2,650 червонцевъ, которые предназначались на жалованье: агенту по 50 червонцевъ въ мѣсяцъ, поручику Антову по 40, письмоводителю по 15, и, сверхъ того, на содержаніе казаковъ и азійской прислуги, на продовольствіе, наемъ верблюдовъ и проч. Въ этомъ же числѣ полагалось: на угощеніе 300 червонцевъ, на отправку гонцовъ 250 и на экстренныя издержки 150 ⁽¹⁹⁾.

Одновременно съ снаряженіемъ Никифорова въ Хиву, приготовлялась къ выступленію изъ Оренбурга и другая миссія — въ Бухару, подъ начальствомъ горнаго инженеръ-маіора Бутенева.

До Сыра объ миссіи должны были слѣдовать вмѣстѣ, подъ прикрытіемъ особаго съемочнаго отряда, подъ командою подполковника Бларамберга.

Съ миссіею Никифорова возвращался на родину и бывший въ Россіи хивинскій посланецъ Атаніазъ-Ходжа-Рейзъ-Муфтіи, со свитою, которому, по инструкціи Перовскаго, агентъ нашъ обязанъ былъ оказывать должное вниманіе. Впрочемъ — говорила далѣе та же инструкція — «вы поставите при этомъ себѣ за правило дѣйствовать болѣе черезъ поручика Антова, не входя лично въ слишкомъ тѣсныя связи съ посланцами, дабы они привыкли видѣть въ васъ лицо высшее» ⁽²⁰⁾.

3 мая 1841 года выступили миссіи изъ Оренбурга и, слѣдуя вверхъ по Илеку и далѣе чрезъ вершину Ори, вверхъ по Иргизу до урочища Айръ-Кизыла и потомъ чрезъ Каракумы, достигли, 5 іюля, Сыръ-Дарьи.

Путь до Сыра миссіи совершили не совсѣмъ миролюбиво, и мы имѣемъ поводъ думать, что между членами ихъ существовалъ духъ несогласія; къ этому присоединилось еще неудовольствіе на Никифорова хивинскаго посланца. Миссіи шли, производя съемку; да и безъ этой причины движенія наши по степи, по свойству европейскихъ привычекъ, не могутъ совершаться такъ быстро, какъ у Азіятцевъ, которые дѣлаютъ огромные переходы. При такихъ условіяхъ, Атаніазъ-Ходжа, конечно, не могъ приближаться къ своей родинѣ съ тою скоростію, какъ бы ему хотѣлось, и считалъ Никифорова, распоряжавшагося работами топографовъ, едва ли не главнымъ виновникомъ медленности похода. Независимо отъ этого, если вѣрить очевидцу, Никифоровъ обращался съ посломъ чрезвычайно фамиллярно и грубо, и, когда Атаніазъ хотѣлъ отдѣлится на Иргизѣ отъ миссіи, Никифоровъ объявилъ, что прикажетъ его связать ⁽²¹⁾; только за двѣнадцать дней до прибытія на Сыръ разрѣшено было посланцу отправиться впередъ ⁽²²⁾.

Совершивъ, 6 іюля, переправу черезъ Сыръ, миссія направилась къ хивинской крѣпости, расположенной при озерѣ Кара-Куль, въ которой изъ 200 чел. гарнизона осталось только 40; прочіе же, по случаю приближенія русскаго отряда, сочли за лучшее бѣжать. Въ ожиданіи назначеннаго для встрѣчи ханскаго чиновника, Никифоровъ пробылъ здѣсь нѣсколько дней и въ это время былъ посѣщаемъ многими почетными Киргизами. Изъ

нихъ тѣ, которые кочевали между Сыромъ и Куваномъ, признавали себя явно подданными Россіи; кочующіе же за Куваномъ, по большей части богатые скотоводы, предпочитали власть Хивы, имѣя возможность откупаться въ ней за свои преступленія.

16 іюля, прибывшій для встрѣчи хивинскій чиновникъ Вунзъ-Ниязъ угощалъ миссію въ крѣпости; а 17 она переправилась черезъ Куванъ-Дарью и, слѣдуя далѣе черезъ урочище Джаманъ-Чеганакъ, копани Айръ-Тау, Зангаръ, озера Камышлы-Башъ и Дау-Кара, достигла, 4 августа, Аму-Дарьи, при г. Кипчакѣ. Отсюда миссія, чрезъ города: Мангытъ, Клычъ-Ниязъ, Ташаусъ, Амбаръ и Шабатъ, слѣдовала къ Хивѣ, куда и прибыла 9 августа ⁽²³⁾.

По всему пути, въ населенной полосѣ, миссію встрѣчали высланные ханомъ чиновники и угощали на ночлегахъ. Кромѣ того, въ видѣ почетнаго конвоя, ее сопровождали смѣнявшіеся толпы конныхъ Хивинцевъ и Туркменъ, съ ристаніемъ и ружейною пальбою.

Изъ всѣхъ мѣстъ, пройденныхъ до Хивы, особенное вниманіе Никифорова обратила на себя р. Сыръ. Какъ офицеръ генеральнаго штаба, какъ человекъ, который надѣялся еще на возможность вторичнаго похода въ Хиву, онъ вполне понималъ важность для Россіи владѣнія Сыромъ и въ своихъ письмахъ оставилъ намъ весьма любопытныя замѣтки относительно стратегическаго и торговаго значенія этой рѣки и выбора пути дѣйствій при войнѣ съ Хивою.

Не вступая въ критическій разборъ замѣтокъ, мы приводимъ ихъ съ буквальною точностію, предоставляя каждому судить о справедливости выводовъ человека, видѣвшаго Сыръ 20 лѣтъ назадъ, и въ то время, когда рѣка не носила еще русскаго флага и была устьяна хивинскими и коканскими крѣпостями.

Отъ 14 сентября и 18 октября Никифоровъ писалъ изъ Хивы:

«Отчего до сего времени мы забываемъ мокрый путь Сыръ-Дарьи? Въ Хивѣ грунтъ земли такой же, какъ и на Сыръ-Дарьѣ; но она вся покрыта зеленью, исключая песковъ и пустырей. Такого же цвѣтущаго состоянія въ отрасли хозяйственной промышленности могутъ достигнуть и берега Сыръ-Дарьи; а отъ нихъ далѣе торговля съ Китаемъ могла бы перейти въ наши

руки изъ рукъ Бухарцевъ, и они чрезъ Коканъ получали бы наши товары. Первое впечатлѣніе вида береговъ рѣки Сыра, качество грунта, не располагало меня въ пользу этой рѣки; ибо глазъ мой не могъ допустить возможности добыть что нибудь полезное для селянина изъ тяжелого, глинисто-песчаного, иловатаго и солонцоватаго грунта по р. Сыру. Но меня впоследствии очень поразили видъ жатвы и, въ то же время, посѣвъ пшени. Потомъ, прїѣхавъ на р. Аму, вижу тотъ же грунтъ, тѣ же пески и солончаки, тотъ же илъ, но страна цвѣтетъ всеми избытками произведеній для хлѣбопашца. Меня все удивляло на каждомъ шагѣ, и, не видя нигдѣ ни клочка чернозема, я не могъ представить себѣ такого изобилія земли, начиная отъ колосовыхъ растений до огромныхъ, густыхъ, величественныхъ деревьевъ. Теперь я убѣжденъ, что и р. Сыръ доставитъ то же богатство въ жизненныхъ потребностяхъ и въ роскоши, какъ и берега Аму. Постройка домовъ изъ ила прочна до невѣроятности, въ чемъ я убѣдить могу васъ привозомъ обломка стѣны изъ дома, въ которомъ живу; между тѣмъ, надобность въ деревѣ весьма ограничена. Это уменьшитъ издержки на лѣсъ, въ чемъ нуждалось бы первоначальное заселеніе на р. Сыръ. Островъ, образуемый устьемъ р. Сыра—протокомъ Джилькуванъ, который, впадая въ озеро Косъ-Куль, соединяется съ рѣкою Куванъ-Дарью—весьма важенъ въ томъ отношеніи, что, будучи окруженъ съ трехъ сторонъ протоками воды, можетъ быть употребленъ весь на пользу заселенія; притомъ же, предастъ во власть заселенія устье Сыра, а потому и плаваніе по Сыру и Аральскому морю, которое должно быть изобильно красною рыбою, судя по множеству и дешевизнѣ этой рыбы въ прибрежныхъ городкахъ Хивинскаго ханства.

«Озера Камышлы-Башъ и Айгирикъ также могутъ быть обращены на поливку пашень; только умѣйте распорядиться запасомъ воды, который доставляетъ р. Сыръ.

«Вся долина Аму-Дарьи отъ Бадакшана, вся долина Сыра отъ Кокана—одинаковы: вездѣ поливка полей доставляетъ вознагражденіе пахарю. Современемъ заселеніе можетъ распространиться по Кувану и далѣе по Сыру до предѣловъ Туркестана; а торговую компанію удобнѣе учредить не въ Самаркандѣ, а въ Коканѣ, какъ для сношеній съ Яркентомъ, такъ и для сношенія съ Бухарой, которая въ торговыхъ связяхъ будетъ въ на-

шихъ рукахъ, между тѣмъ какъ плаваніе по р. Сыру уменьшитъ второе издержки найма верблюдовъ отъ Оренбурга до Бухары. Киргизы возмущаются за умѣренную плату доставить сколько нужно будетъ тяжести на р. Сыръ. На первое время наемъ верблюда изъ Орска обойдется не дороже 12 руб. ассигнаціями; можетъ быть, найдется и телѣжный путь до р. Сыра. О водѣ не беспокойтесь, лишь бы были лопатки, которыя нароютъ въ разныхъ мѣстахъ колоды на все время по путямъ сообщенія. Хива можетъ также доставить нѣкоторую немаловажную пользу сбытомъ виноградныхъ лозъ, деревьевъ и лодокъ для плаванія. Лодки хивинскія чрезвычайно прочны и дешевы: одну строили по заказу въ Кипчакахъ, и она стоила 350 руб. Далевская постройка дороже и не можетъ сравниться крѣпостію. Въ первое время заселенія по Сыру, жителями могутъ быть сами Киргизы, между которыми расселить русскія семейства, и кончится тѣмъ, что Киргизы обрусѣютъ, или же нужно предоставить значительныя льготы для желающихъ переселиться на р. Сыръ, лишь бы переселеніе это дѣлалось исподоволь, по 100 или по 150 семействъ ежегодно, а когда умножатся запасы хлѣба, то и 1,000 семействъ будетъ въ мѣру, лишь бы достало бревенъ на матицы и стропила. Поля должны оставаться собственностію поселенина, иначе не будетъ усиленнаго труда и урожая. Сдѣлавъ вѣрную и подробную съемку и нивелировку всего острова, можно составить удобнѣйшій проектъ, какъ проводить каналы и какъ распредѣлить воду по заселеніямъ хуторовъ. Если Богъ дозволитъ мнѣ прїѣхать въ Оренбургъ, я займусь не отчетомъ, что видѣлъ, но составленіемъ проекта заселенія Сыра.» (24)

Наконецъ, въ письмѣ, отъ 2 октября, къ В. А. Перовскому находимъ:

«Позвольте здѣсь, ваше превосходительство, коснуться предмета, осуществленіе котораго принесетъ несомнѣнную пользу Оренбургскому краю и самымъ вѣрнымъ образомъ упрочитъ вліяніе Россіи на Туранъ. Я хотѣлъ бы сказать о приведеніи въ исполненіе идеи вашего превосходительства, извѣстной мнѣ еще съ 1835 года, т. е. занятіе рѣки Сыра (25). Конечно, издержки будутъ значительны; но онѣ окупятся пользою для края и облегчатъ управленіе обширною Киргизскою степью. Власть пограничной комиссіи у Мугоджарскихъ горъ не имѣетъ желаемой

силы, которая болѣе и болѣе исчезаетъ, по мѣрѣ приближенія къ р. Сыру. Нельзя надѣяться на введеніе желаемого устройства и порядка въ Киргизской степи, если не будутъ основаны въ ней нѣсколько точекъ, которыя выражали бы проявленіе силы и власти русскаго правительства среди кочующихъ племенъ. Крайняя точка была бы на р. Сырѣ. Грунты земли въ долинѣ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи совершенно одинаковы, что допускаетъ возможность довести и берега Сыра до той же степени процвѣтанія въ отношеніи первыхъ жизненныхъ потребностей, въ какомъ находится и Хивинское ханство, которое разсадило въ солончакахъ лѣса для своей домашней потребности, образовало густую тѣнь по окраинамъ бесплодныхъ песковъ, и нѣтъ клочка земли, который оставался бы бесполезнымъ; жизненные и вообще съѣстные припасы дешевы. Способъ постройки жилищъ и вообще казенныхъ зданій при заселеніи р. Сыра должно перенять отъ Хивинцевъ, съ приличнымъ измѣненіемъ. Дома ихъ прочны, стоятъ долго, сухи и въ постройкѣ дешевы.

«Хлѣба на берегахъ Сыра собираютъ два раза въ годъ: въ глазахъ нашихъ жали пшеницу и заѣвали поля просомъ. Многія потребности для хозяйства поселянину и для гарнизоновъ можно бы приобрести покупкою изъ Хивы: Хивинцы для казармъ ихъ гарнизоновъ на р. Сырѣ привозятъ лѣсъ въ лодкахъ по Аральскому морю. Тополь, ветла, джидра и всѣ фруктовые деревья могутъ съ успѣхомъ произрастать на берегахъ Сыра, какъ и въ Хивѣ, и чрезъ 15 лѣтъ заселенія жители могли бы довольствоваться во всемъ произведеніями своей земли. Положите, ваше превосходительство, прочное начало сему дѣлу, и оно будетъ не послѣднимъ вѣнцомъ изъ благотворныхъ нововведеній и устройства, сдѣланныхъ вами въ безграничномъ Оренбургскомъ краѣ.

«Кромѣ вліянія на кочевыя племена, занятіе Сыра доставитъ несомнѣнныя и неисчислимыя выгоды въ отношеніи торговомъ, которыя упрочатъ навсегда вліяніе Россіи на Туранъ. По образу жизни Хивинцевъ и Бухарцевъ, нельзя надѣяться на увеличеніе сбыта русскихъ товаровъ въ Туранѣ, пока эти народы будутъ передатчиками нашихъ издѣлій южнымъ сосѣдямъ своимъ. Товары, привозимые ими изъ Россіи, и теперь слишкомъ превосходятъ мѣру потребности Хивы и Бухары, и избытокъ русскихъ издѣлій они, по необходимости, сбываютъ въ Яркентѣ, откуда

ежегодно вывозятъ до 16,000 пудовъ чая. Этотъ чай добротою несравненно ниже вымѣниваемого на Кяхтѣ; но пониженіе доброты чая происходитъ главнѣйше не отъ качества покупаемаго въ Яркентѣ чая, но отъ крайней небрежности мусульманскихъ купцовъ въ сбереженіи своего товара и частию отъ недостаточныхъ способовъ перевозки. Въ Яркентѣ чай этотъ пересыпаютъ въ кожаные и даже шерстяные мѣшки; во время пути онъ подмокаетъ, пылится и отъ прикосновенія съ пахучими тѣлами теряетъ свой ароматъ, отчего въ Бухарѣ и Хивѣ привозимый изъ Астрахани и Оренбурга чай въ лицикахъ цѣнится какъ самая высокая роскошь. Хивинцы, невидя на всѣ притѣненія, дѣлаемыя имъ въ карантинѣ и таможенѣ города Астрахани, значительныя капиталы свои обращаютъ туда чрезъ Мангишлакъ и все еще пользуются вѣрными и большими барышами, что происходитъ: 1) отъ малой цѣны за провозъ товаровъ отъ Мангишлака до Хивы и 2) отъ ничтожныхъ расходовъ за провозъ товаровъ до Хивы вверхъ по р. Аму. Лучшимъ убѣжденіемъ въ этомъ случаѣ можетъ быть сплавъ товаровъ по р. Волгѣ. А съ занятіемъ береговъ р. Сыра протекать слѣдующія торговля и политическія выгоды:

«1) Уменьшить почти на половину расходы за провозъ товаровъ изъ Оренбурга и Петропавловска до Бухары, а тѣмъ самымъ увеличить и вывозъ русскихъ издѣлій.

«2) Значительно уменьшить издержки подвоза товаровъ открытымъ путемъ до Кокана и далѣе сухимъ путемъ до Бухары. Этимъ способомъ и Коканъ съ его землями и Бухара вынуждены будутъ покупать товары изъ первыхъ рукъ у самихъ купцовъ, а не у фабрикантовъ внутри Россіи.

«3) Переведетъ всю торговлю изъ Бухары въ Коканъ или на берега р. Сыра.

«4) Передастъ во власть русскаго правительства плаваніе по р. Сыру и Аральскому морю.

«5) Откроетъ путь русскимъ купцамъ въ Китай, чрезъ Яркентъ. Если таможенные сборы на Кяхтѣ составляютъ такой значительный итогъ для правительства, то впоследствии времени пошлинный сборъ съ товаровъ, вымѣниваемыхъ въ Яркентѣ, можетъ достигнуть до того же итога всеобщимъ употребленіемъ чая въ Россіи и сбытомъ его за границу въ Европу, гдѣ вымѣниваемый русскими купцами чай можетъ такъ же высоко цѣниться

Европейцами, какъ онъ цѣнится у жителей Турана и какъ оцѣнилъ его капитанъ Борнсъ, въ бытность его въ Бухарѣ.

«Занятіе р. Сыра сдѣлаетъ Оренбургъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, прольетъ новыя капиталы въ Оренбургскомъ краѣ, и русскіе купцы, промѣномъ нашихъ товаровъ въ Китай чрезъ Яркентъ изъ первыхъ рукъ, могутъ снабжать часомъ весь Туранъ. Ханъ хивинскій вполне постигаетъ важность занятія Сыра, говоря, что если Русскіе съ нимъ вмѣстѣ будутъ пить воду изъ Сыръ-Дарьи, то Хивинцамъ нельзя жить.»

Описавъ путешествіе миссіи до Хивы, считаемъ нелишнимъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о характерѣ хивинскаго хана и главныхъ его сановниковъ, тѣхъ лицъ, съ которыми преимущественно приходилось Никифорову сталкиваться и вести переговоры.

Алла-Кули-ханъ вступилъ во владѣніе Хивою послѣ смерти воинственнаго Мухамедъ-Рахима, въ 1825 году. Еще отецъ Алла-Кула успѣлъ прекратить всѣ мелкіе раздоры узбековъ, нарушавшихъ спокойствіе ханства; ему же была обязана Хива за подчиненіе ей, хотя отчасти и номинальное, Мерва, Саракса, Кунграда и сосѣднихъ киргизскихъ и туркменскихъ родовъ. Получивъ отъ отца владѣніе довольно значительное по пространству, но скудное населеніемъ, Алла-Куль употребилъ весьма оригинальное средство для развитія оскѣлости въ своемъ оазѣ. Хищными, внезапными набѣгами на сосѣднія персидскія области онъ постоянно добывалъ здоровыхъ работниковъ изъ плѣнныхъ Персіанъ, распродававшихся по всему ханству; а нападеніе на кочевавшее въ предѣлахъ Герата племя Ямшидовъ доставило ему 7,000 кибитокъ для заселенія пустопорожнихъ земель между Куны-Ургенчемъ и Мангытомъ. Въ 1841 году хану было около 50 лѣтъ. Несмотря на природный смѣтливый умъ, образованіе его, однакожь, ограничивалось умѣньемъ читать, писать, считать и весьма несовершеннымъ знаніемъ персидскаго языка. Онъ рѣдко слушался совѣтниковъ, какъ всякій Азіятецъ былъ сластолюбивъ и для пріобрѣтенія денегъ не стѣнялся въ выборѣ средствъ. Любимымъ разговоромъ хана была гаремная хроника, и тотъ изъ его приближенныхъ, кто владѣлъ бѣльшимъ запасомъ безнравственныхъ новостей и, притомъ, рассказывалъ ихъ за-

бавно, смѣло могъ разсчитывать на расположеніе своего повелителя.

Значительнѣйшимъ лицомъ по ханѣ былъ *махтеръ* Мухамедъ Якубъ-Бай. Онъ завѣдывалъ южною половиною ханства и иностранными сношеніями. Мяхтеръ всегда слушалъ со вниманіемъ разсказы о богатствѣ и силѣ Россіи, желалъ ближе познакомиться съ правами ея жителей и просилъ Антова, когда тотъ возвращался изъ плѣна, выслать ему русско-татарскую грамматику. Якубъ-Баю было лѣтъ 40, и изъ числа всѣхъ приближенныхъ хана онъ болѣе другихъ былъ расположенъ помогать нашимъ интересамъ.

За мяхтеромъ слѣдовалъ *Кушъ-Бегъ*, управлявшій сѣверной половиною ханства. Ему было около 35 лѣтъ. Въ молодости онъ былъ хорошъ собою и находился въ мужскомъ отдѣленіи ханскаго гарема. Это обстоятельство и избѣгательность на скандальскіе разсказы дѣлалъ Кушъ-Беги однимъ изъ близкихъ къ хану людей; но на вѣщія дѣла, сколько было извѣстно, онъ особаго вліянія не имѣлъ. Званіе его, такъ же, какъ и званіе мяхтера, было наслѣдственное въ одномъ домѣ.

Ходжешъ-махремъ, правитель Ташауза, былъ рабомъ при Мухамедъ Рахимѣ и, еще въ молодости взятый съ нимъ въ плѣнъ Бухарцами, спасъ своего повелителя, переправивъ его на западную сторону Аму.

Такая услуга пріобрѣла ему настоящее званіе и полную довѣренность покойнаго хана, при которомъ онъ былъ главнымъ лицомъ въ Хивѣ. Во время Никифорова Ходжешъ-махрему было лѣтъ 60, непосредственнаго участія въ дѣлахъ онъ не принималъ, но пользовался большимъ уваженіемъ хана и вообще всей Хивы и былъ расположенъ къ Русскимъ.

Диванъ-Бегъ, начальникъ таможенъ, былъ избранъ на эту должность самимъ Алла-Куломъ и, вслѣдствіе вкрадчиваго своего характера, пользовался большимъ довѣріемъ хана. Съ мяхтеромъ Диванъ-Беги жилъ не въ ладахъ. По участію въ совѣтахъ ханскихъ и по непосредственному вліянію на купцовъ, съ которыхъ онъ собиралъ пошлины, Диванъ-Беги былъ лицомъ очень важнымъ для иностранцевъ. Онъ не любилъ Русскихъ, противился выдачѣ плѣнныхъ, но, по страшному корыстолюбію, могъ быть расположенъ въ нашу пользу хорошими подарками.

Изъ другихъ близкихъ къ хану лицъ слѣдуетъ упомянуть
Т. XXII, Отд. II.

еще о братѣ хана, Инахѣ Рахманъ-Куль, человекѣ поплотѣ, очень любившемъ крѣпкіе напитки, и о старшемъ сынѣ ханскомъ, который въ это время, однако, жилъ въ Хазаръ-Аспѣ (26).

Квартира миссіи въ Хивѣ была приготовлена въ загородномъ домѣ Рафейникъ, принадлежавшемъ одному изъ родственниковъ мяхтера; при домѣ находился только особо назначенный Юзь-баши. На другой день по прибытіи, мяхтеръ прислалъ чиновника поздравить миссію съ пріѣздомъ, узнать о здоровьѣ агента и просить его доставить Высочайшую грамоту и другія бумаги; за любезность агентъ приказалъ благодарить, но въ выдачѣ бумагъ отказалъ, объявивъ, что онѣ будутъ представлены лично хану. Впрочемъ, для нѣкотораго удовлетворенія желанія министра, посланы къ нему, бывшія у агента, копія (27).

11 августа, вечеромъ, чрезъ особо присланнаго чиновника, ханъ выразилъ желаніе принять Никифорова и получить отъ него Высочайшую грамоту и письма. Въ сопровожденіи членовъ миссіи и 8 казаковъ, несшихъ подарки, агентъ отправился на аудіенцію. По прибытіи ко дворцу, его попросили снять оружіе и затѣмъ повели на одинъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ возсѣдалъ ханъ и въ почтительной позѣ стояли мяхтеръ, Диванъ-Беги, Кушъ-Беги, Ходжешъ-махремъ, Атаніязъ и еще два какиъ-то сановника.

Послѣ обмѣна обыкновенныхъ привѣтствій, агентъ произнесъ небольшую рѣчь и вручилъ мяхтеру, для поднесенія хану, Высочайшую грамоту и письма. Съ своей стороны, Алла-Куль, принявъ грамоту и, не читая, положивъ ее близъ себя на коверъ, осведомился о здоровьѣ государя. Затѣмъ агентъ, съ дозволенія хана, приказалъ внести подарки, а поручикъ Антовъ, раскрывъ ихъ, объяснилъ назначеніе и достоинство нѣкоторыхъ вещей. Сколько можно было судить, ханъ особенно остался доволенъ серебрянымъ сервизомъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Алла-Куль обратился къ Никифорову съ вопросомъ: какое онъ имѣетъ порученіе отъ Государя Императора? Въ отвѣтъ на это было объявлено «что Государь Императоръ искренне желаетъ изводить независимаго существованія и благоденствія хивинскому владѣльцу и его народу, что «Его Величество изволитъ обѣщать высокое покровительство «своего его высокостепенству и всему Хоарезму, если ханъ Алла-Куль вступитъ въ дружественный союзъ съ російскою дер-

«жавою и будетъ сохранять правила добраго сосѣда, что этимъ «упрочатся торговля и взаимная польза». Выслушавъ это, ханъ, положивъ руку на сердце, сказалъ: «благодареніе Богу, я ничего болѣе не желаю», и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о пройденныхъ миссіею мѣстахъ, о перенесенныхъ трудностяхъ во время похода отъ р. Сыра, отпустилъ агента, прибавя, что послѣ труднаго пути нуженъ отдыхъ.

Такъ кончилось первое свиданіе, дававшее, повидимому, надежду на благоприятное веденіе дальнѣйшихъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что Алла-Куль тутъ же объявилъ, что агентъ можетъ видѣться съ нимъ, когда пожелаетъ, предупреждая только заблаговременно объ этомъ мяхтера; вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ пригласилъ чиновниковъ своихъ оказывать всевозможныя уваженія Никифорову и стараться сдѣлать для него пребываніе въ Хивѣ пріятнымъ.

13 августа ханъ вновь просилъ къ себѣ агента и, въ продолжительной бесѣдѣ, спрашивалъ о могуществѣ Англіи и Россіи, о правительственныхъ лицахъ въ послѣдней, о дѣлахъ Турціи и о причинахъ войны Англіи съ Китаемъ; въ заключеніе изъяснилъ желаніе срыть Ново-Петровское укрѣпленіе и приступить къ разграниченію Киргизовъ. Вообще же ханъ, при похвальномъ любопытствѣ, выказалъ полное незнаніе всего, что относится до политическихъ дѣлъ Европы.

Для характеристики такихъ бесѣдъ, приводимъ разговоръ хана съ агентомъ насчетъ дѣйствій Англичанъ, записанный рукою Никифорова и сохранившійся въ бумагахъ покойнаго.

Ханъ. За что Англія воюетъ съ Китаемъ?

Агентъ. Ваше высокостепенство слышали, что есть Индія, которою овладѣли Англичане. Завоеваніе Индіи не было сначала преднамѣреніемъ англійскаго правительства, но есть послѣдствіе распространенія власти общества купцовъ, которые, для собственныхъ выгодъ, именемъ правительства своего, поработили всю Индію. Купцы за это дозволеніе отъ своего короля обязывались уплачивать ежегодно, въ родѣ подати, часть своихъ доходовъ. Эта подать, по мѣрѣ распространенія Англичанъ въ Индіи, увеличилась до того, что составляетъ теперь едва ли не $\frac{1}{3}$ всехъ королевскихъ доходовъ Англіи. Купцы не могли платить звонкою монетою, а платили всегда товарами, и преимущественно чаемъ, который вымѣнивали въ Китаѣ на опиумъ. Китайскій

богдыхантъ, видя пагубное распространіе опиума между своими подданными, запретилъ ввозъ онаго; а какъ опиумъ былъ важнѣйшій товаръ англійскихъ купцовъ, которые не знали, куда его сбыть, то они и требовали отмены наложеннаго запрещенія, всячески стараясь сбывать Китаѣцамъ опиумъ, отчего правительство Китая вынуждено было кончить тѣмъ, что конфисковало опиумъ Англичанъ и бросило его въ море, цѣною болѣе 175,000,000.

Ханъ. Англійскіе купцы виноваты?

Агентъ. Конечно; но какъ черезъ потерю купцами товара Англія лишается подати, которая составляетъ значительную часть доходовъ ея, то, для вынужденія Китаѣцевъ къ вознагражденію, правительство приняло купцовъ подъ свою защиту.

Ханъ. Слухи есть, что Англичане готовятся занять Балхъ?

Агентъ. Я не слыхалъ; но если они намѣреваются это сдѣлать, то сдѣлаютъ.

Ханъ. Намъ нельзя дозволить: это нашъ городъ.

Агентъ. Балхъ когда-то принадлежалъ Бухарѣ, а теперь, со смертію владѣтеля Кундуза, никому не принадлежитъ.

Ханъ. Я пойду съ войскомъ защищать мусульманскій городъ.

Агентъ. Ваше высокостепенство въ этомъ не успѣете. Англичане народъ европейскій, они сильны. Лучше не подавайте имъ причины враждовать на васъ.

Послѣдующее поведеніе хана не измѣнило первому приему. И дѣйствительно: какъ только агентъ извѣщалъ желаніе видѣться съ Алла-Куломъ, такъ и былъ приглашаемъ въ тотъ же день, вечеромъ.

Свиданія происходили обыкновенно на пріемномъ дворѣ, и постоянно въ присутствіи мяхтера, а иногда нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ. Сидѣлъ только ханъ, всѣ же присутствующіе стояли около него; во время свиданія нерѣдко жарко спорили, но разставались всегда дружелюбно, и ханъ обыкновенно дарилъ, при прощаньи, Никифорову нѣсколько головъ сахара.

Въ самомъ началѣ переговоровъ, Алла-Кулъ коснулся предмета для него наиболѣе близкаго и существеннаго: это — разграниченія Киргизовъ, и объявилъ притязанія на рр. Эмбу, Ирғизъ и Тургай. Такія требованія превосходили всѣ уступки, какія допускала по настоящему предмету инструкція, а потому Ники-

форовъ постоянно и отвергалъ ихъ. Любопытно, что къ концу каждаго засѣданія агентъ, казалось, совершенно убѣждалъ хана въ основательности его требованій, но проходило нѣсколько дней, назначалась новая аудіенція, и ханъ не только повторялъ тѣ же условія, отъ которыхъ не задолго отказался, но и прибавлялъ къ нимъ всегда что нибудь новое. Такъ разъ, когда Никифоровъ былъ поставленъ на очную ставку съ нѣкоторыми изъ ханскихъ совѣтниковъ и, опровергнувъ ихъ доводы, выразилъ Алла-Кулу сожалѣніе, что если онъ будетъ слушать такіе совѣты, какъ теперь, то агенту придется отказаться отъ порученія и потерять всякую надежду на соглашеніе, — ханъ, немного подумавъ, отступился отъ границы по Эмбѣ и Ирғизу; но за то не далѣе, какъ по прошествіи недѣли, онъ какъ бы совершенно забылъ о своей уступкѣ и сталъ требовать тѣхъ же границъ ⁽²⁸⁾.

Подобныя уловки азіатской дипломатіи только раздражали агента и были для него очень тягостны, особенно, если принять въ расчетъ состояніе его здоровья. Дѣйствительно, по прибытіи въ Хиву, Никифоровъ уже чувствовалъ себя очень дурно: «я такъ ослабѣлъ — пишетъ онъ отъ 20 сентября — что «малѣйшее напряженіе мысли мнѣ крайне вредно, я уже и не говорю о движеніи». Онъ не могъ даже писать самъ, и вся корреспонденція его съ Россіей за это время ведена подъ диктовку; только къ концу октября ему, повидимому, стало легче. Была, впрочемъ, и другая причина, которая мѣшала успѣху порученія миссіи: ханъ затруднялся вести съ Никифоровымъ переговоры, такъ какъ основы ихъ не были изложены въ Высочайшей грамотѣ. Съ своей стороны, агентъ хотя и возражалъ на это, что если бы предполагаемыя условія были написаны въ грамотѣ, то переговоры не имѣли бы мѣста, и ханъ былъ бы обязанъ принять условія для себя какъ законъ, и что Государь Императоръ, вѣря искреннему желанію хана быть въ мирѣ съ Россіей, изволитъ предлагать условія чрезъ своего посланнаго, съ тѣмъ, что добровольное согласіе хана будетъ служить вѣрнымъ залогомъ прочнаго мира и искренней покорности Алла-Кула государю; но доводы эти мало принесли пользы. При такомъ положеніи дѣлъ, Никифоровъ рѣшился прибѣгнуть къ болѣе существеннымъ средствамъ. Въ числѣ подарковъ, бывшихъ у агента, но не переданныхъ еще хану, находились желѣз-

ная печка и карсельскія лампы. Вещи эти сильно интересовали Алла-Кула, и онъ давно желалъ ихъ получить. 22 августа, въ день коронаціи государя, печка и лампы, съ прибавкой 6 пудовъ сахара и пуда кофе, были поднесены хану; однакожь, его высокостепенство, несмотря на все удовольствіе, доставленное ему этимъ подаркомъ, уступчивѣе нисколько не сдѣлался.

Въ частной жизни миссія хотя не была стѣсняема въ Хивѣ и Никифоровъ перѣдко измѣрялъ улицы, снималъ планы, а топографъ съ купцомъ нашимъ ѣздилъ по разнымъ городамъ и чертилъ путевыя маршруты, тѣмъ не менѣе, однакожь, тайная полиція хана зорко слѣдила за дѣйствіями нашихъ чиновниковъ, а всѣ важнѣйшія лица ханскаго двора хотя и старались оказывать имъ постоянное уваженіе, но въ тѣснѣйшую связь съ Никифоровымъ не вступали, въ особенности же Кушъ-Беги, Диванъ-Беги и Ходжешъ-махремъ, которые уклонились даже отъ угощенія. Причину послѣдняго поступка отчасти надо искать въ томъ, что эти лица не получили такихъ подарковъ, какъ махтеръ, и только передъ отъѣздомъ агентъ послалъ Кушъ-Беги зеркало, а Диванъ-Беги столовыя часы и по куску сукна; но, вѣроятно, было и другое обстоятельство, которое заставляло сановниковъ держать себя вдалекѣ отъ агента. Что касается махтера, то, по полученіи подарковъ, онъ немедленно пригласилъ на обѣдъ миссію, но уклонился отъ политическихъ разговоровъ, объясняя, что право на это принадлежитъ исключительно хану; въ свою очередь, Никифоровъ не оплатилъ махтеру за обѣдъ, чрезъ что частныя ихъ сношенія прекратились.

Отказывая въ согласіи на требованія агента, ханъ, вѣдѣвъ этого, старался на каждомъ шагѣ выказать ему знаки своего наружнаго расположенія и довѣрчивости. Ласковость его не ограничивалась одними пріемами, но обнаруживалась и въ заботливости о потребностяхъ миссіи: помѣщена она была въ лучшемъ загородномъ домѣ, каждое утро доставляли ей изъ ханскихъ садовъ плоды, и, сверхъ того, постоянно выдавали кормовыя деньги—по пяти тиллей въ сутки⁽²⁹⁾. Исключеніемъ изъ такихъ любезностей было только выраженное ханомъ настояніе видѣть первыя депеши, отправленныя агентомъ въ Россію; но на такое требованіе Никифоровъ отвѣчалъ посланному рѣшительнымъ отказомъ и, въ притворномъ гнѣвѣ, разорвавъ передъ нимъ въ мелкіе клочки свои письма, послалъ эти лоскутки для про-

чтенія махтеру; послѣ такого поступка отправка почты производилась уже безъ явныхъ затрудненій. Такимъ образомъ, по наружности, миссія была окружена предупредительностію и, казалось, не могла жаловаться на недостатокъ къ ней довѣрія даже такихъ подозрительныхъ чиновниковъ, какъ хивинскіе. Но не такъ находилъ свое положеніе агентъ, и вотъ что писалъ онъ на этотъ счетъ изъ Хивы: «Мы живемъ довольно стѣсненно: насъ мало кто посѣщаетъ, а если приходятъ люди, отъ которыхъ можно бы было получить нѣкоторыя свѣдѣнія, то они боятся бывать часто, и мы всегда окружены шпионами. Теперь я рѣшился отправить къ вамъ почту секретно отъ всѣхъ, въ намѣреніи извѣстить его превосходительство Василія Алексѣевича (Перовскаго) о ходѣ дѣлъ миссіи». И потомъ относительно сановника, на содѣйствіе котораго при переговорахъ онъ болѣе всего могъ разчитывать, находимъ: «Махтеръ избѣгаетъ всякихъ сношеній съ агентомъ, въ отклоненіе подозрѣній хана по поводу дружественныхъ связей съ членами миссіи, и опасается подкуповъ. Подарки, доставленные отъ имени вашего превосходительства махтеру, были переданы ему тайно и съ крайнею предосторожностію; впрочемъ, сановники хана имѣютъ весьма мало вліянія, и ханъ входитъ лично во всѣ сношенія съ агентомъ по предмету заключенія условій акта»⁽³⁰⁾.

Дни проходили за днями, здоровье агента становилось хуже, а переговорамъ, при такой системѣ, которую принялъ ханъ, т. е. отвергать въ новомъ засѣданіи большую часть того, что было имъ утверждено въ предыдущемъ, не предвидѣлось конца.

По 1-й статьѣ, относительно обезопасенія Русскихъ, не встрѣтилось затрудненій, и ханъ, говоря, что статья эта уже опредѣлена фирманомъ его 18 іюля, желалъ только имѣть соотвѣтствующее обязательство со стороны Россіи, на что агентъ не согласился, по той причинѣ, что Россія никогда не притѣсняла хивинскихъ подданныхъ.

По 2-й — явились уже споры, по случаю требованія Никифоровымъ уравниенія въ Хивѣ нашихъ купцовъ въ пошлинномъ сборѣ съ хивинскими подданными. Алла-Куль возражалъ, что пошлиннаго сбора въ Хивѣ нѣтъ, взимается же съ купцовъ, какъ и со всѣхъ хивинскихъ подданныхъ, на основаніи корана, закятъ, или 2½% съ имущества; что оплаченнымъ такимъ образомъ капиталомъ всѣ купцы могутъ безпрепятственно дѣлать

сколько хотятъ оборотовъ въ годъ; что то же правило соблюдается и относительно иноземцевъ, съ тѣмъ только, что ино-вѣрцы должны платить вдвое противу мусульманъ, и какъ это законъ религиозный, то и отмѣненъ быть не можетъ. Впрочемъ, въ угодность Россіи, ханъ соглашался допустить, взамѣнъ заката, пошлинный сборъ при ввозѣ и вывозѣ товаровъ изъ Хивы, но до установленія этого новаго правила хотѣлъ руководствоваться прежнимъ порядкомъ⁽³¹⁾. Относительно же обезпеченія бухарскихъ каравановъ Никифоровъ ни въ какіе переговоры не входилъ, считая ихъ несвоевременными.

Наконецъ, по 3-й статьѣ, относительно опредѣленія границъ вліянія хана въ степи, возникли непреодолимые затрудненія. Никифоровъ требовалъ, чтобы ханъ не посылалъ своихъ чиновниковъ за Сыръ-Дарью и линію, протянутую отъ Куль-Магура до урочища Маната, соглашался предоставить хану право сбора заката съ племенъ, кочующихъ къ югу отъ означенной черты, но съ тѣмъ, чтобы они все-таки признавались подданными Россіи, и оставлялъ за Россіею все восточное побережье Каспія до устья Гюргени на 15 верстъ отъ берега, съ правомъ для имперіи устраивать тамъ селенія и крѣпости. Ханъ возражалъ, что онъ всегда собиралъ закаты съ племенъ, кочующихъ на Эмбѣ, въ Барсукахъ и на Иргизѣ, а потому и не можетъ отказаться отъ этого права и тѣмъ менѣе признать подданными имперіи Кайсаковъ, кочующихъ къ югу отъ Сыра и на Усть-Уртѣ, что такое настояніе Россіи было бы совершенно противно изъявлен-нымъ ею дружественнымъ расположеніямъ къ Хивѣ, лишая послѣднюю значительной части доходовъ и податей, и что, наконецъ, самое опредѣленіе какой бы то ни было границы несогласно съ безопасностію ханства и переданными ему безкорыстными намѣреніями государя, такъ какъ при этомъ Россія пріобрѣтетъ право устраивать крѣпости на самыхъ предѣлахъ Хивы и тѣмъ всегда угрожать самостоятельности ея. Въ отвѣтъ на это хану было объяснено, что подданство Киргизовъ Россіи несомнѣнно, такъ какъ всѣ роды присягнули на него еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія, дѣйствія же хивинскихъ владѣльцевъ, на которыхъ нынѣ опирается Алла-Куль, суть самоуправства, несовмѣстныя съ дружественными отношеніями къ имперіи; что отказаться отъ подданства Кайсаковъ противно было бы достоинству Россіи, которая и безъ того много снис-

ходить, уступая хану право взимать подати съ нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ и временно управлять ими; что опредѣленіе положительной границы необходимо для избѣжанія столкновеній между русскими и хивинскими властями; что опасенія насчетъ устройства крѣпостей неосновательны, такъ какъ на всѣхъ другихъ границахъ Россіи имѣетъ болѣе значительныя крѣпости, безъ всякаго вреда для сосѣдей, и, наконецъ, что побережье Каспія по праву принадлежитъ имперіи, которая одна имѣетъ и можетъ имѣть флотъ на этомъ морѣ. Доводы эти, однако, не убѣдили Алла-Кула. Видя, что всѣ миролюбивыя средства, употребленныя къ склоненію хана на наши предложенія, остаются бесполезными, Никифоровъ рѣшился принять другой способъ дѣйствій.

11 сентября истребовавъ аудіенцію у хана, агентъ явился къ нему въ полномъ присутствіи важнѣйшихъ сановниковъ Хивы, и грозную, и непривычную для слуха рѣчь привелось на этотъ разъ выслушать высокостепенному Алла-Кулу. Ему была вручена, отъ имени оренбургскаго военнаго-губернатора, декларация и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено: что всѣ кочующія племена, приняшія подданство Россіи, признаются подданными Государя Императора, а земли ихъ кочевокъ достояніемъ имперіи, что будетъ ли Хива состоять въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Россіею, или нѣтъ, по изложеннымъ въ декларациі мѣры всегда будутъ приводимы въ исполненіе, и что условія Россіи предлагаются агентомъ его высокостепенству въ послѣдній разъ. Затѣмъ Никифоровъ представилъ хану проектъ мирнаго договора и потребовалъ, въ случаѣ несогласія на этотъ актъ, дозволенія ѣхать въ Россію.

Содержаніе деклараціи было слѣдующее:

Высокостепенному хану Алла-Кулу російскаго Императорскаго агента.

Именемъ г. оренбургскаго военнаго губернатора имѣю честь объявить, что:

1) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей между Киргизами, кочующими по сѣверную сторону рѣки Сыра, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.

2) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей съ Киргизовъ, кочующихъ въ пескахъ Барсукахъ, на рѣкѣ Эмбѣ, на берегахъ моря въ урочищѣ Кай-Кунакты и по бере-

гамъ залива Карасу и на сѣверныхъ частяхъ чинка, будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.

3) Всякій хивинскій подданный, являющійся въ аулы Киргизовъ, принадлежащихъ Россійской Имперіи, съ намѣреніемъ нарушить спокойствіе оныхъ, будетъ схваченъ и преданъ смерти ⁽³²⁾.

Такъ говорилъ русскій офицеръ, прибывшій въ полуварварскую страну съ 12 казаками и не имѣвшій надежды ни на какую близкую помощь, кромѣ нравственной силы своихъ убѣжденій. Но онъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Рѣшительность требованій, высказанныхъ такъ публично и смѣло въ лицо деспотическому владѣтелю Хоарезма, произвела свое дѣйствіе. Высокомерный тонъ, съ которымъ говорилъ ханъ, мгновенно исчезъ, голосъ его понизился, и не задолго гордый Алла-Куль сталъ убѣдительно просить Никифорова пробыть въ Хивѣ еще 25 дней, т. е. до времени возвращенія съ охоты, на которую ханъ предполагалъ скоро отправиться.

Любезность его простерлась до того, что онъ пригласилъ съ собою въ поѣздку и агента — обстоятельство, доказывавшее особое расположеніе и довѣренность, такъ какъ охота, доставляя случай обозрѣть часть ханства, въ сущности служить владѣльцу только предлогомъ для объѣзда страны съ цѣлью произвести разборъ всѣхъ главныхъ жалобъ и ревизію управленія.

Случай былъ удобный какъ для короткаго сближенія съ ханомъ, не стѣсняясь придворнымъ этикетомъ и совѣтниками, такъ и для поддержанія того благоприятнаго впечатлѣнія, которое произвела на Алла-Куля декларация; но, къ сожалѣнію, Никифоровъ не имѣлъ возможности имъ воспользоваться. Тяжкій недугъ не давалъ ему покоя, и онъ съ грустію замѣчалъ приближеніе свое къ могилѣ: «мои чувства искренни — писалъ онъ, отъ 20 сентября, къ Я. В. Ханыкову — какъ челоуѣка, дни котораго уже сочтены».

Съ 12 сентября по 9 октября ханъ объѣзжалъ свои владѣнія и, возвратясь въ Хиву, по требованію агента, принялъ его въ аудіенціи 11 числа. Удовольствія охоты, извѣстіе о разбитіи шедшихъ на Хиву Персіанъ Туркменами близъ Серакса, а можетъ и другія неизвѣстныя намъ обстоятельства изгладили въ ханѣ впечатлѣніе послѣднихъ рѣшительныхъ представленій агента, и, при приѣмѣ его 11 числа, Алла-Куль началъ съ вопроса,

по какому праву сдѣлано ему объявленіе отъ имени оренбургскаго военнаго губернатора относительно захвата Хивинцевъ по ту сторону р. Сыра и Усть-Урта?

Агентъ. Оренбургскій военный губернаторъ, управляя пятью милліонами людей разныхъ народовъ, дѣйствуетъ мыслями и волею царя, и они ему болѣе извѣстны, какъ особѣ, близкой къ престолу Императора.

Ханъ. Мнѣ нельзя уступить р. Сыра. Прежде я ошибался, требовавъ границею р. р. Эмбу, Иргизъ и Тургай, но нынѣ я знаю, что граница Россіи есть Уралъ.

Агентъ. Всѣ киргизскія племена — подданные Россіи, всѣ ихъ земли — достояніе Россіи, что и подтверждаю вамъ устами Императора. Россійская держава не требуетъ отъ васъ рѣки Сыра, а уступаетъ вамъ лѣвый берегъ оной, если вы примете прочія условія. Если Государь Императоръ изволитъ признать нужнымъ занять правый берегъ Сыра, то займутъ оный и безъ согласія вашего. (Въ черновомъ письмѣ къ Перовскому послѣдняя фраза такъ изложена: вашему высокостепенству Сыръ-Дарья не видать).

Ханъ. Какъ Богъ велитъ.

Агентъ. Есть русская пословица: на Бога надѣйся, но и самъ устривай все къ лучшему; не всегда Богъ принимаетъ неосновательную сторону слабыхъ, но часто помогаетъ правотѣ сильныхъ.

Ханъ. Россія требуетъ отъ меня Астрабадъ и всѣ земли Трухменъ.

Агентъ. Астрабадъ принадлежитъ Персіи, а трухменскія племена могли бы быть признаны русскимъ правительствомъ принадлежащими Хивѣ, если бы вы заключили прочный союзъ съ Императоромъ; но Его Величество изволитъ признавать достояніемъ Россіи весь восточный берегъ Каспійскаго моря. Хива никакого флота на Каспій не имѣетъ и имѣть не будетъ. Берегъ же нуженъ русскому правительству для прекращенія хищничества людей, для чего учреждается гребная флотилія, которая, осматривая берегъ, будетъ дѣлать высадки для истребленія лодокъ Трухменцевъ и отдаленія ихъ отъ береговъ. А для того, чтобы вы этихъ дѣйствій не признавали несправедливыми со стороны Русскихъ, правительство требуетъ, чтобы ваше высокостепенство признали по договору восточный берегъ моря, на 15 или 20 верстъ въ глубину степи, достояніемъ Россіи.

Ханъ. Я прочту вновь сдѣланныя мнѣ условія.

Этимъ кончилась аудіенція, и, по случаю наступившаго магометанскаго поста, агентъ болѣе не видался съ ханомъ до самаго отъѣзда (33).

Желая опровергнуть справедливость главнаго нашего требованія, относительно подчиненія Киргизовъ, ханъ тайно созвалъ въ Хиву преданнѣйшихъ почетныхъ Кайсаковъ, для того, чтобы они лично подтвердили Никифорову, что не считаютъ себя русскими подданными. Кайсаковъ собрали въ одну изъ комнатъ ханскаго дворца и пригласили агента объясниться съ ними въ присутствіи мяхтера. Здѣсь находились султаны: Каипъ-Гали Ишамовъ, Джангазы Ширгазыевъ, Рахманъ-Куль изъ Чиклинцевъ, Юсупъ Сарымовъ изъ Боколинцевъ, Юламанъ Тлянгинъ и Нилъ изъ Табынскаго рода и Утеръ-Али изъ Тлеукабаковъ; сверхъ того, Кушъ-Беги и Диванъ-Беги (34).

Мяхтеръ, объяснивъ цѣль собранія, просилъ Кайсаковъ объявить агенту, считаютъ ли они себя подданными Россіи и слѣдуетъ ли ей уступить Сыръ-Дарью. Первый началъ говорить султанъ Джангазы: онъ утверждалъ, что Россія не займетъ Сыра, что она дѣйствуетъ вяло, какъ баба, медленно, и что Сыръ-Дарья слишкомъ далеко отъ Урала. Рахманъ-Куль, подтвердивъ слова Джангазы, прибавилъ, что Россія ежегодно почти посылаетъ въ степь войска для грабежа Киргизовъ и отнимаетъ у нихъ земли, чего, конечно, не дѣлала бы, если бы Кайсаки были ея подданными. Наконецъ, Юсупъ Сарымовъ заключилъ тѣмъ, что Киргизы, какъ магометане, никогда не могли вступить въ подданство христіанской имперіи.

Никифоровъ возражалъ на это, что, будучи присланъ Императоромъ для переговоровъ съ ханомъ, считаетъ неприличнымъ объясняться лично съ преступниками противу имперіи, а потому предоставляетъ обличеніе лживыхъ рѣчей Джангазы и другихъ Аитову.

Объяснивъ исторію присяги Киргизовъ на подданство Россіи, сравнивъ положеніе Киргизовъ нашихъ съ тѣми, которые зависятъ отъ Хивы, и, опровергнувъ религіозное убѣжденіе примѣромъ турецкаго султана, Аитовъ перешелъ затѣмъ къ объясненіямъ поочередно съ каждымъ изъ присутствующихъ.

«И кто же нынѣ — говорилъ онъ — беретъ на себя отречься отъ лица всего народа отъ подданства Россіи? Ты ли, Джанга-

зы? Но ты родился въ Россіи, отъ отца, который былъ не только подданный ея, а даже въ службѣ Императора, достигъ званія майора и, только сдѣлавшись преступникомъ, постыдно бѣжалъ изъ Оренбурга отъ безчестія и наказанія.»

Въ томъ же духѣ было сказано Рахманъ-Кулу, Юламанъ-Тлянчину и Юсупу Сарымову.

«Слишкомъ долго было бы — прибавилъ въ заключеніе Аитовъ — обнаруживать клятвoprеступничество прочихъ присутствующихъ; но молчаніе ихъ служить лучше моихъ словъ уликою. И вотъ кто созванъ теперь, чтобы подтвердить права хивинскаго хана! Не могу, однако же, скрыть особаго презрѣнія моего къ двумъ лицамъ: къ тебѣ, Каипъ-Гали, и къ товарищу твоему Джангазы. Не стану исчислять тебѣ вѣроломства и предательства, заставившія тебя бѣжать изъ Россіи; вспомните только, султаны, что предки ваши властвовали въ этой Хивѣ, сидѣли на престолѣ того же хана, который вызвалъ васъ нынѣ на рабское униженіе и позорное клятвoprеступничество, въ пользу незаконныхъ притязаній своихъ.»

Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, и смущенный мяхтеръ обратился къ Утеръ-Али, спрашивая его, что долженъ онъ сказать о рѣшеніи собранія хану. Втайнѣ преданный намъ, Утеръ-Али отвѣчалъ:

«Я и прежде говорилъ вамъ, что собраніе это бесполезно, что безславно Хивѣ, крамольничавъ противъ Россіи, теперь, для примиренія съ нею и сохраненія выгодъ своихъ, выставить на жертву Киргизовъ; слова мои оправдались и позвольте намъ, по крайней мѣрѣ, не оставаться здѣсь долѣе.»

Такъ кончилось собраніе. Оно произвело весьма невыгодное для хана впечатлѣніе на Киргизовъ, изъ коихъ многіе, послѣ совѣщанія, старались сблизиться съ Никифоровымъ и пріобрѣсти прощеніе Россіи (35). Что касается хана, то и послѣ диспута Аитова онъ нисколько не сдѣлался сговорчивѣе на главныя изъ предложенныхъ условій; одно назначеніе въ Хиву постоянного русскаго агента не встрѣтило съ его стороны препятствій, особенно когда онъ узналъ, что должность эту будетъ исполнять Аитовъ. Ханъ при этомъ изъявилъ только желаніе имѣть и своихъ повѣренныхъ въ Астрахани и Оренбургѣ, для защиты купцовъ по дѣламъ съ таможенными, на притѣсненіе которыхъ онъ нерѣдко жаловался.

Объясненіе статей акта было, однакожъ, и послѣ диспута предметомъ совѣщаній хана въ тайныхъ собраніяхъ важнѣйшихъ сановниковъ и преданныхъ Хивѣ Кайсаковъ, при чемъ Джангазы оказывался постояннымъ противникомъ мира, утверждая, что Россія никогда не рѣшится занять Сыръ; султанъ же Кайпъ-Гали, напротивъ, говорилъ, что не слѣдуетъ отвергать дружескихъ сношеній, что должно принять миръ и что о славіи и силѣ Россіи знаетъ цѣлый свѣтъ.

Въ такихъ совѣщаніяхъ тянулось время, когда, наконецъ, было рѣшено не давать Никифорову окончательнаго отвѣта, а отправить въ Россію послапцевъ съ предлагаемыми ханомъ условіями. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало всенародное объявленіе Диванъ-Беги въ караванъ-сараѣ о томъ, что ханъ не хочетъ слушать ни военнаго губернатора, ни агента.

Послѣ такого рѣшенія, Никифоровъ считалъ за лучшее прекратить переговоры съ Алла-Куломъ и оставить Хиву, тѣмъ болѣе, что, въ послѣднее время, не только мяхтеръ, но и всѣ другіе сановники постоянно старались избѣгать сношеній съ миссіей.

Прощаніе хана съ агентомъ было довольно дружески. При этомъ Никифоровъ сдѣлалъ еще одно предложеніе: послать кого либо изъ сановниковъ ханскихъ въ Россію для ознакомленія съ могуществомъ имперіи, ея войскомъ и торговлею, на что Алла-Куль, однакожъ, не согласился, отвѣтивъ: «когда будемъ друзьями, то это сдѣлаемъ».

Отпуская миссію, ханъ, по правиламъ восточной вѣжливости, одарилъ ее не только вещами, но и деньгами. Такъ, агенту были присланы въ подарокъ аргамакъ, сѣдло, парчевой халатъ и 200 тиллей; Антову—аргамакъ, сѣдло, парчевой халатъ и 150 тиллей; всѣмъ же другимъ спутникамъ Никифорова даны халаты и деньги, сообразно ихъ чинамъ и званіямъ. Прибавляя къ этимъ подаркамъ наемъ верблюдовъ для обратнаго слѣдованія миссіи и кормовыя деньги, получимъ, что всѣ издержки хивинскаго правительства на содержаніе ея простирались до 1,037 тиллей, или 14,000 руб. ассигнаціями⁽³⁶⁾.

27 октября миссія выступила въ обратный путь. Отъ Айбугира Никифоровъ, со вновь назначенными посланцами, Вуизъ-Нязомъ, Ишбай Бабаевымъ, и 7 освобожденными плѣнными, направился черезъ Усть-Уртъ, урочища Кай-Кунакты и Джанты къ

крѣпости Сарайчиковской, куда и вошелъ благополучно, послѣ 36 дней хода, 2 декабря.

Выше было сказано, что въ Хивѣ остался, въ качествѣ постоянного нашего агента, Антовъ. Чтобы доставить случай пробить подолбе въ хивинскихъ владѣніяхъ, ему было предписано, по отъѣздѣ миссіи, отправиться въ Бухару и оттуда, если удастся, съѣздить въ Коканъ и потомъ возвратиться къ своему посту⁽³⁷⁾. Но не прошло и двухъ дней послѣ отъѣзда агента, какъ мяхтеръ прислалъ сказать Антову, что ханъ не изъявляетъ согласія на пребываніе его въ Хивѣ и даже не рѣшается пустить въ какое либо другое владѣніе, а проситъ отправиться въ Россію. Вслѣдствіе чего послѣдовало такое приказаніе, объявить трудно. Произшло ли оно отъ боязни, чтобы Антовъ не передалъ въ Бухару извѣстій о сборахъ хана для набѣга на это владѣніе, или вслѣдствіе личнаго нерасположенія Алла-Кула къ Никифорову, неизвѣстно; только Антовъ не нашелъ возможнымъ долѣе оставаться въ Хивѣ и, нагнавъ миссію на Айбугиръ, направился оттуда, вмѣстѣ съ топографомъ, по западному берегу Арала и далѣе черезъ Чушкакуль къ Оренбургу, куда и прибылъ 11 декабря.

Огорченный неудачею, истомленный недугомъ, Никифоровъ, возвратясь въ Оренбургъ и не заставъ тамъ Перовскаго, отправился въ С.-Петербургъ, для личнаго доклада о своемъ порученіи. Но силы ему уже измѣнили. Доѣхавъ до села Новоспаскаго, Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи, онъ, 13 января, слегъ въ постель и послѣ двухъ-недѣльной болѣзни скончался, 27 числа, въ кругу прибывшихъ къ нему родныхъ⁽³⁸⁾.

Результатами топографическихъ трудовъ миссіи были различные маршруты и планы, а также путевые журналы: всего снято около 3,000 верстъ протяженія. Кромѣ того, въ черновыхъ бумагахъ Никифорова сохранились составленныя вчернѣ описанія городовъ, неоконченные рисунки (въ карандашѣ) нѣкоторыхъ крѣпостей и жилищъ хивинскихъ. Что же касается собственно до дипломатическаго порученія, то по этому предмету дѣло Никифорова суждено было окончить уже другой нашей миссіей, отправленной въ Хиву осенью 1842 года, подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго.

Прослѣдивъ дѣйствія Никифорова шагъ за шагомъ и предоставляя, по приведеннымъ даннымъ, судить, въ какой мѣрѣ

онъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и при своемъ характерѣ и здоровьѣ, могъ достигнуть всего, что предписывалось въ инструкціяхъ, въ заключеніе разсказа не можемъ не привести слѣдующаго, чрезвычайно вѣрнаго, замѣчанія самого агента на счетъ веденія переговоровъ съ хивинскимъ правительствомъ:

«Ханъ и его сановники чужды всякаго понятія о политическихъ переговорахъ и даже не могутъ понять слова: уполномоченный. Вполнѣ сознавая свое безсиліе, они не въ состояніи оцѣнить кроткихъ мѣръ сношенія, но трепещутъ силы, которая одна можетъ ихъ вразумить (39).»

Мы тѣмъ болѣе считали нужнымъ обратить вниманіе на эту замѣтку, что она не только тогда, но даже въ 1858 году, во время посылки въ Хиву послѣдней нашей миссіи, имѣла полное практическое значеніе и едва ли не сохранила его надолго и впередъ.

Н. ЗАМЬСОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ:

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ КАПИТАНА НИКИФОРОВА.

(1) Записка генераль-адъютанта Перовскаго о сношеніяхъ Хивы съ Россією. Архивъ генеральнаго штаба Оренбургскаго корпуса.

(2) Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго моря, Я. Ханькова. «Записки Русскаго Географическаго Общества» 1851 г., томъ 5, стр. 275.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что немаловажной причиной раздоровъ служили и новые подданные Россіи—Киргизы Меньшой орды. Абуль-Хаиръ и его наслѣдники, находясь въ родовой враждѣ съ киргизскими султанами, управлявшими въ то время Хивою, постоянно искали случая возстановить противъ этого владѣнія Русскихъ, и когда, въ 1753 году, возникли у насъ несогласія съ хивинскимъ ханомъ Каипомъ, тогда султанъ Эрали, сынъ Абуль-Хаира, вызывался даже овладѣть Хивою. Замѣчательно, что пріѣхавшій около этого же времени въ Оренбургъ хивинскій посланецъ, вмѣсто исполненія порученій своего хана, жаловался на него и просилъ содѣйствія Русскихъ къ его сверженію. «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» Левшина, 1832 года, стр. 201—205.

(3) Путевыя замѣтки майора Бланкеннагеля о Хивѣ 1793—94 года, съ примѣчаніями В. Григорьева. «Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества», книга 3-я.

(4) Путешествіе въ Хиву и Туркменнію капитана Муравьева въ 1819 году.

(5) Письмо генераль-адъютанта Перовскаго къ хивинскому владѣльцу Алла-Кулу отъ 18 сентября 1836 года. Архивъ генеральнаго штаба Оренбургскаго корпуса.

Къ секвестрованію хивинскихъ товаровъ правительство наше приступало еще въ 1754 году, когда въ Хивѣ былъ задержанъ русскій караванъ.

(6) Цѣны на эти произведенія (т. е. на тѣ, которыми Хива исключительно снабжается изъ Россіи), по словамъ бывшаго въ Ургенчѣ зимою 1836 г., Вухарца, возвысились непомерно: такъ, плата за десятокъ кожъ юфти возрасла отъ 130 до 270 руб. ассигн. за пудъ, ргути отъ 12 до 40 руб., киновари отъ 240 до 600 руб., кошенили отъ 170 до 600 руб. ассигн., и вообще мануфактурныя издѣлія вздорожали на 15%, сырые матеріалы на 90%. Хивинскіе же продукты, какъ, напримѣръ, хлопчатая бумага, подешевѣли на 50%. «Письмо изъ Оренбурга». — «Сѣверная Пчела» 1840 г., № 234.

(7) Печатное объявленіе по Оренбургскому краю генераль-адъютанта Перовскаго отъ 30 сентября 1840 года. Архивъ генеральнаго штаба Оренбургскаго корпуса.

(8) Описаніе Хивинскаго ханства Данилевскаго. «Записки Русскаго Географическаго Общества» 1851 г., томъ V, стр. 100.

(9) Предписаніе вице-канцлера отъ 19 февраля 1841 года, № 446. Арх. генер. шт. Оренб. корп.

(10) Предписаніе генераль-адъютанта Перовскаго отъ 11 апрѣля, № 79. Арх. генер. шт. Оренб. корп.

(11) Предписаніе ген.-адъют. Перовскаго отъ 12 мая № 141. Арх. генер. шт. Оренб. корп.

(12) Высокостепенному владѣтелю хивинскому Аллахъ-Кули-Хану. Да утвердится по теченію вѣковъ величіе и счастье доблестнаго обладателя Хивы, высокостепеннаго Аллахъ-Кули-Хана на незыблемомъ основаніи пріязни и единомыслія между двумя государствами.

По изліяніи чувствъ истиннаго уваженія и совершеннаго почитанія; да будетъ вѣдомо вашей высокостепенности, что великій повелитель суши и воды Августѣйшій Императоръ—да предастся ему въ жертву душа моя—благодаря милостямъ и щедротамъ Всевышняго Бога, пребываетъ въ жоделенномъ здравіи и совершенномъ спокойствіи и что состояніе здѣшнихъ странъ пользуется тишиною и дешевизною. Да не будетъ сокрыто предъ свѣтлымъ сердцемъ вашимъ, что посланецъ вашей высокой степени, Атаніязъ-Ходжа-Рензъ-Муфтіи, по благополучномъ достиженіи царственнаго града С.-Петербурга, удостоился счастья быть лично представленнымъ блистательному величію порядка, Государю Императору, и донести ему объ отысканіи вашего раскаянія и искренняго расположенія. Означенный посланецъ, будучи припять и облагодѣтельствованъ возвышеніемъ его головы и щедротами Императора, Всемилостивѣйше разрѣшенъ теперь къ возвращенію въ отечество. Между тѣмъ, Его Императорское Величество, для изясненія тѣхъ основаній и условій, кои могутъ

способствовать незыблемому утвержденію взаимной пріязни, соизволилъ повелѣть снарядить въ страну вашу довѣренное лицо, которое отправится въ близкіе дни благополучія вмѣстѣ съ Атаніязомъ-Ходжою и въ подробности донесетъ слуху вашей высокой степени все то, что касается до прошедшаго и настоящаго.

Въ текущія красивыя времена слухъ нашъ услаждался пріятными извѣстіями, что русскіе торговцы, по своимъ торговымъ дѣламъ прибывъ въ счастливую страну, были приняты тамъ подъ покровъ пріязненнаго сосѣдства и обласканы правомъ соотвѣтственности взаимной дружбы. Въ минутахъ радости мы не оставили донести объ этомъ священному слуху премудраго обладателя семи земныхъ поясовъ, Августѣйшаго Государя Императора, что послужитъ новымъ доказательствомъ нелицемѣрнаго желанія вашего почитать и хранить дружбу съ могущественною имперіею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причиною увеличенія Всемилостивѣйшаго расположенія.

Да пребудутъ дни постояннаго счастья и времена благополучно безконечны по желанію вашей высокой степени.

Подписалъ: оренбургскій военный губернаторъ

Перовскій.

Г. Оренбургъ. 6 мая 1841 г.

Высокостепенному владѣтелю хивинскому Аллахъ-Кули-Хану.

Высокомѣстный и доблестный оренбургскій военный губернаторъ доставилъ въ столичный городъ С.-Петербургъ привезенныя посланцемъ вашего высокостепенства, почтеннымъ Ишніязъ-Ваемъ, письма ваши, которыя и были представлены мною къ Престолу Августѣйшаго моего Государя Императора. По Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества, посѣпшаю увѣдомить васъ, что Государь Императоръ съ благосклонностію и удовольствіемъ соизволилъ принять извѣстіе о благосостояніи вашего высокостепенства. Его Величеству пріятно было также узнать, что вы продолжаете слѣдовать похвальному и благоразумному намѣренію стремиться къ упроченію дружественныхъ сосѣдственныхъ сношеній между подданными Россійской державы и подвластными вамъ племенами. Такія благія намѣренія ваши совершенно соотвѣтствуютъ ожиданіямъ Августѣйшаго моего Государя Императора и принесутъ хивинскимъ владѣтелямъ несомнѣнную пользу.

Мы надѣемся, что посланецъ вашего высокостепенства, почтенный Атаніязъ-Ходжа-Рензъ-Муфтіи, благополучно прибылъ уже въ Хиву, равно какъ и отправленный съ нимъ, по волѣ великаго Государя Императора, храбрый и достопочтенный капитанъ Никифоровъ, которому поручено было доставить вамъ грамоту Его Императорскаго Величества. Капитанъ Никифоровъ имѣетъ также порученіе объяснить и условиться обо всемъ, что касается до сношеній обоюдныхъ подданныхъ. А потому мнѣ остается только повторительно просить ваше высокостепенство, чтобы вы давали полную вѣру всему тому,

что достопочтенный капитанъ Никифоровъ доведетъ до свѣдѣнія вашего ума. Ласковое обхожденіе съ этимъ чиновникомъ, удостоеннымъ довѣрія Государя Императора, и вниманіе къ его представленіямъ, послужатъ къ увеличенію вашей славы, ибо поведутъ къ упроченію дружественныхъ, столь полезныхъ для Хивы, отношеній къ могущественной сосѣдственной державѣ.

Въ ожиданіи извѣстій о прибытіи достопочтеннаго капитана Никифорова въ мѣсто пребыванія вашего высокостепенства, мы отпускаемъ обратно посланца вашего Ишніязъ-Бая, который былъ принятъ въ Оренбургѣ ласковымъ и соответственнымъ съ его званіемъ образомъ. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы благодарить васъ какъ за свѣдѣнія, которыя вы сообщали по правиламъ добраго сосѣдства, такъ и за пріемъ, оказанный вами бывшимъ въ Хивѣ российскимъ торговцамъ.

Обо всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ объяснить, какъ выше сказано, капитанъ Никифоровъ.

Затѣмъ молю Всевышняго о сохраненіи вашего благосостоянія.

Подписаль: государственный вице-канцлеръ
графъ Нессельродъ.

С.-Петербургъ. 7 іюня 1841 года.

Что же касается писемъ, привезенныхъ Ишніязъ-Баемъ, а равно и письма Перовскаго къ мяхтеру, то копій съ этихъ документовъ въ дѣлахъ по посольству Никифорова мы не нашли.

(13) Предписаніе ген.-адъют. Перовскаго отъ 21 мая, № 188. Арх. генер. шт. Оренб. корп.

(14) Слово отца побѣдителей и побѣжденныхъ харезмскаго шаха: Почтеннымъ старшимъ Киргизамъ, всѣмъ довѣреннымъ лицамъ и храбрымъ бѣямъ байулинскаго рода повелѣвается симъ, чтобы, по полученіи сего, захваченныя вами у Табынцовъ и Алимунинцевъ имущество и скотъ были немедленно возвращены хозяевамъ, всякому по принадлежности; равнымъ образомъ и захваченное у васъ ими, Табынцами и Алимунинцами, возвратится каждому изъ васъ. Итакъ, по учиненіи между собою надлежащаго разбирательства, отнынѣ всякіе другъ на другѣ искіи и домогательства оставьте и живите, какъ отецъ съ сыномъ, согласно. Если же окажете противу сего повелѣнія ослушаніе и будете продолжать отыскивать другъ на другѣ свои взысканія, то отъ нашего золотого порога пойдетъ войско, и гдѣ только окажутся виновные, немедленно вразумится имъ то заслуженнымъ наказаніемъ. Тогда грѣхи дѣтей и семействъ вашихъ падутъ на васъ. Такъ Высочайше повелѣно. На подлинномъ приложена печать хивинскаго хана.

(15) «Тяжелая болѣзнь одолѣла меня, и я уже не избавлюсь отъ нея... Мое здоровье очень плохо; около трехъ мѣсяцевъ я страдаю аневризмомъ въ груди, о существованіи котораго узналъ не болѣе двухъ недѣль.» Письма изъ Хивы, отъ 14 сентября и 2 октября, къ Я. В. Ханыкову. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(16) Нѣкоторыя извѣстія о службѣ Антова, кромѣ послужнаго списка, можно найдти въ замѣткахъ его о Хивинскомъ ханствѣ, поданныхъ Перовскому. Насчетъ этихъ замѣтокъ сохранилась въ дѣлахъ слѣдующая оригинальная записка Перовскаго къ кому-то изъ приближенныхъ: «Вотъ тебѣ и еще матеріалы о хивинской экспедиціи: дневныя записки Габбо и Антова, и изъ нихъ почерпнуть нечего! Последняя меня обманула совершенно: я надѣялся, что въ разсказѣ этого Татарина, бывшаго въ Хивѣ въ самое интересное время, найдется что либо сколько нибудь заслуживающее вниманіе. Несмотря на это, я прочелъ записки Антова съ большимъ вниманіемъ и еще съ большимъ удивленіемъ: я никогда не могъ бы повѣрить, чтобы чловекъ (какъ бы онъ ни былъ мало образованъ) въ положеніи Антова могъ бы до такой степени остаться болваномъ и не передать ни одного впечатлѣнія, ни одной занимательной подробности въ какомъ бы тамъ ни было смыслѣ».

Во время плѣна, Антовъ былъ помѣщенъ въ ханскомъ дворцѣ, кормили его хорошо, и ханъ нерѣдко призывалъ его къ себѣ и задавалъ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: «правда ли, что меня въ Россіи называютъ разбойникомъ?» и проч. Автобіографія Антова. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(17) Въ миссію было отпущено: 2 складныхъ стола, 6 стульевъ, 2 котла, 2 тагана, 8 желѣзныхъ ведеръ, 6 турсуковъ, 2 казачьихъ сѣдла, 23 недоуздки, 18 треногъ, 5 косъ, 4 топора и чертежные припасы. Предписаніе ген.-адъют. Перовскаго 12 мая, № 141. Арх. генер. шт. Оренб. корп.

(18) Вещи, отправленныя отъ Высочайшаго имени къ хану хивинскому:

Четыре куска сукна: алаго—28 арш., голубаго—28 арш., свѣтло-зеленаго—28 арш., темно-синяго—28 арш. Два куска шелковыхъ матерій. Три куска бархата венеціанскаго: зеленаго—52¼ арш., малиноваго—56¼ арш., синяго—40½ арш. Самоваръ серебряный въ футлярѣ. Парчи два куска: по пунцовому грунту съ золотыми и серебрянными цвѣтами—25¾ арш., по золотому грунту азіатскій узоръ—31¼ арш. Часы золотыя (лучшіе) съ цѣпочкою. Серебряный чайный сервизъ (кофейникъ, чайникъ, сахарница, сливочникъ, полоскательная чашка, корзинка для сухарей, ситечко вызолоченное, дюжина чайныхъ ложекъ вызолоченныхъ, подносы), къ оному дюжина фарфоровыхъ чашекъ съ цвѣтами и позолотою.

Вещи для хивинскаго мяхтера отъ оренбургскаго военнаго губернатора:

Два куска сукна: оливковаго—24½ арш., синяго—32½ арш. Кусокъ атласа малиноваго, кусокъ шелковой матеріи, шесть кусковъ ситца, два куска парчи: по пунцовой матеріи съ серебрянными разводами—32¾ арш., по бѣлому атласу съ мелкими золотыми цвѣточками—20½ арш.

Вещи, предоставленныя въ распоряженіе агента:

Кусокъ сукна свѣтло-зеленаго — 25 арш., кусокъ сукна голубаго — 31 $\frac{3}{4}$ арш. Три куса кисей высшаго сорта и три низшаго. Зрительная труба, кусокъ шелковой матеріи, 8 хрустальныхъ тарелокъ, 4 стакана, 8 стклінокъ, зеркало, дюжина чашекъ и дюжина тарелокъ; желѣзная печь, каминный приборъ, двѣ карсельскія лампы, коверъ, компасъ и дорожные часы; двустольное ружье, двое золотыхъ часовъ и три хорьковыхъ мѣха. Предписаніе Перовскаго 12 мая, № 141. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(19) Двѣ тысячи шестисотъ-пятьдесятъ червонцевъ, отпущенныхъ въ миссію, предназначались:

	Въ мѣ- сяцъ.	Въ 6 мѣ- сяцевъ.	Въ годъ.
Капитану Никифорову	50	300	»
Поручику Антову	40	»	480
Письмоводителю	15	»	180
Двумъ топографамъ	10	60	»
10 казакамъ	»	60	»
5 Киргизамъ	»	90	»
2 кавакамъ	»	»	24
5 Киргизамъ	»	»	60

На наемъ азіатской прислуги	72 черв.
На подъемъ 10 Киргизамъ	25 —
На продовольствіе 17 человекъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ и 7 человекъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ	279 —
На наемъ верблюдовъ въ обратный путь	200 —
На наемъ квартиры въ продолженіе 12 мѣсяцевъ	120 —
На угощеніе въ продолженіе 13 мѣсяцевъ	300 —
На снаряженіе и отправку гонцовъ въ продолженіе 12 мѣсяцевъ	250 —
На экстренныя издержки въ теченіе года	150 —

Предписаніе Перовскаго 12 мая, № 141. Арх. генер. шт. Оренб. корпуса.

(20) «Посланецъ Атаніязъ имѣетъ отъ роду 40 лѣтъ, смотритъ на всѣхъ мрачно; онъ выдаетъ себя за Ходжу (потомки Магомета) и прикидывается святошей. До пріѣзда въ Россію Атаніязъ совершилъ, по порученію хана, три поѣздки въ Бухару и одну въ Гератъ. По своему Атаніязъ образованъ довольно хорошо и, кромѣ природнаго языка, знаетъ еще персидскій и арабскій; свита его состоитъ изъ 2 человекъ.» Записки генералъ-маіора Генса отъ 23, 24, 25 и 29 сентября 1840 г. Арх. ген. шт. Оренб. кор.

(21) Письмо Н. Ханыкова отъ 4 іюня. Въ письмахъ того же очевидца находимъ еще и слѣдующее замѣчаніе: «Если сообразить все поведеніе Никифорова во время дороги и особенно включить сюда проколотаго имъ въ пьяномъ видѣ уральца, о чемъ я тебѣ уже писалъ, то, признаюсь, мало остается надежды, чтобы дѣла наши въ Хивѣ пошли хорошо, хотя бы со стороны хана сдѣлано было все, чтобы ихъ уладить». Приводя такое обвиненіе, считаемъ долгомъ замѣтить, съ своей стороны, что, во первыхъ, трудно предположить, чтобы

Перовскій, которому Никифоровъ былъ такъ коротко извѣстенъ, выбралъ для исполненія такого важнаго порученія человека, дѣйствительно подверженнаго пьянству или какимъ либо другимъ важнымъ порокамъ, а во вторыхъ, тѣ же письма показываютъ, что у автора ихъ, состоявшаго въ миссіи Бутенева, еще со вступленіемъ въ Каракумы начались споры съ Никифоровымъ, который, не слушая ничьихъ совѣтовъ, слѣдовалъ къ Сыру по той дорогѣ, которую избралъ самъ; а что такое упрямство было очень непріятно автору, доказываютъ похвалы его Бутеневу именно за тѣ качества, которыхъ у Никифорова не доставало. Такъ, въ письмѣ отъ 13 іюня, читаемъ: «Живемъ мы всѣ между собою прекрасно, и, правду сказать, оно нетрудно, потому что у Бутенева хотя и есть странности, но онъ хорошій и честный человекъ, а что всего важнѣе — не обижается, когда его поправляютъ, и слушается совѣтовъ. Арх. ген. шт. Оренб. кор.

(22) Письмо Перовскаго къ гр. Нессельроде отъ 5 апрѣля 1842 г., № 275, и собственноручныя замѣтки Никифорова. Арх. генер. шт. Оренб. корпуса.

(23) Никифоровъ шелъ отъ Сыра до Аму по слѣдующему маршруту:

Іюль.	Верстъ.
6 Колодезь	14
7 Капана	38
8 Озеро Кара-Куль	20
15 Укрѣпленіе Випъ-Кала	9
17 Протокъ Джиль-Куванъ	16
18 Куванъ Дарья	16
19 — — — — —	33
20 — — — — —	40
21 — — — — —	37
22 Ур. Джаманъ-Чоганакъ	38
23 Копани Сай-Кудукъ	21
24 — Аиръ-Тау	6
25 Колодезь Карабатыръ	25
26 Копани Бель-Кудукъ	36
27 Укрѣпленіе Худояръ	32 $\frac{1}{2}$
— Колодезь Зангаръ	18
— — Каска (приваль)	
28 Колодезь Алты-Кудукъ	29
29 Приваль	32 $\frac{1}{2}$
30 Кокъ-Тюбя	44
31 Озеро Камышлы-Башъ	39
Августа.	
1 Озеро Камышлы-Башъ	19
2 — Дау-Кара	19
3 — въ долину рѣки Аму-Дарья	68
4 Городъ Кипчакъ	5
Итого	658

Архивъ Генеральнаго Штаба Оренбургскаго корпуса.

(25) Письмо къ Я. В. Ханыкову отъ 18 октября. Относительно же силы, направленія дѣйствующихъ противу Хивы войскъ и проч. Никифоровъ писалъ: «Для наказанія Хивы достаточно 3,000 пѣхоты, 1,000 удалыхъ казаковъ и 12 орудій 6-фунтовыхъ, 8 горныхъ единороговъ и 12 конныхъ единороговъ. Для дѣйствующихъ войскъ операціонный путь должно принять прежній, т. е. на Каратамакъ. Сдѣланная въ прошломъ году съемка покажетъ мѣста болѣе удобныя для главнаго склада, какъ равно и мѣста, гдѣ могутъ войска остановиться въ ожиданіи снѣговъ. Эти мѣста: Чумпакуль, Арысь, Битюга, Хошъ, Карчата и закраины Большихъ Барсуковъ до Соръ-Кудука включительно; далѣе на югъ мѣста неудобныя. По этой дорогѣ могутъ слѣдовать войска по Усть-Урту и далѣе, что отъ Соръ-Кудука; со свѣжими верблюдами (№ 3 со свѣжими?) можно совершить безъ изнуренія въ 25 дней и встать на высоту Кунграда и даже ниже.»

«Хивинцы сопротивляться не умѣютъ: у нихъ есть только духъ грабежа, но нѣтъ духа воинственности. (Подъ духомъ грабежа я разумѣю стремленіе получить добычу и желаніе насладиться и пользоваться ею.) Войскамъ идти съ полуторамѣсячнымъ запасомъ; пѣхоту имѣть на верблюдахъ на каждаго человѣка по одному верблюду, на котораго помѣститъ и полуторамѣсячное продовольствіе солдата. Первая боевая колонна можетъ состоять изъ 1,000 человѣкъ пѣхоты, безъ всякихъ тяжестей, кромѣ самыхъ необходимыхъ. Вторая боевая колонна, за переходъ отъ первой слѣдующая, должна бы имѣть такую же силу и запасы артиллерійскіе, понтонные, госпитальные и прочіе; за нѣсколько переходовъ отъ второй колонны можетъ слѣдовать первый вооруженный, продовольственный, караванъ. Таковой же караванъ, по нѣскольку сильнѣе прикрытый, могъ бы слѣдовать изъ Ново-Александровска; прочіе караваны никакого прикрытія не требуютъ, кромѣ одного хозяйственнаго надзора; складъ должно сдѣлать въ Куля-Ургенчѣ, откуда до Хивы 7 переходовъ. Ханъ, съ моего прибытія въ Хиву, началъ заводить постоянное войско изъ персидскихъ плѣнныхъ, но не имѣетъ никакихъ способовъ ни къ образованію, ни къ сформированію ихъ. Кажется, одинъ изъ мяхремовъ назначается товарищемъ къ посланцу, который будетъ отправленъ со мною, для вымотра и узнанія нашей тактики и военной администраціи. Но толку будетъ мало.»

«Зимою въ канавахъ воды не бываетъ, и жители довольствуются водою изъ колодезевъ, и потому, казалось бы, удобнѣе принять вѣво и слѣдовать въ верхъ по Аму-Дарьѣ, т. е. по самымъ населеннымъ мѣстамъ Хивинскаго ханства, и прибыть въ Хиву черезъ Новый-Ургенчъ. Это движеніе можно совершить обѣими колоннами вдругъ по обонимъ путямъ, оставляя верблюдовъ на сѣверной сторонѣ Чаркраука, гдѣ 200 чел. пѣхоты и 150 казаковъ, съ четырьмя орудіями, достаточны для удержанія въ повиновеніи всѣхъ жителей дельты.»

«Ново-Александровскій пунктъ весьма важенъ, какъ ближайшій складъ къ ханству Хивинскому. Сосѣдство его къ Прорвѣ и къ камышамъ Каспійскаго моря даетъ возможность сберечь и прокормить значительное количество верблюдовъ, которые частями могли бы быть направлены въ Куля-Ургенчъ, куда караваны изъ Ново-Александровска доходятъ въ 13 дней. Слѣдованіе транспортовъ верблюжьихъ по Усть-Урту, полагаю, не будетъ сопряжено съ опасностію со стороны летучаго отряда Хивы, въ особенности, если одна изъ дѣйствующихъ колоннъ направится на Айбугиръ, а другая на Тайму, и займутъ Куля-Ургенчъ. Съ востока отъ Усть-Урта море, а на юго-западъ отъ пути изъ Ново-Александровска страна пустынная и безводная, до самаго Бишъ-Чишика и Карамая. Конечно, Ново-Александровское укрѣпленіе имѣетъ важные недостатки: 1) въ кормѣ для скота, 2) въ водѣ, которой бы было мало для большаго числа войска, но, съ другой стороны, морской подвозъ изъ Астрахани и изъ Гурьева и 13 дней караваннаго хода до Куля-Ургенча (положимъ, 25 дней для войска или военного транспорта) даютъ ему въ глазахъ моихъ большую цѣну.»

«Недостатокъ подножнаго корма можно устранить подвозомъ сѣна изъ Астрахани, изъ Гурьева и Прорвы или Камыша; а недостатокъ воды можно бы отклонить перенесеніемъ временнаго складочнаго пункта, слѣдовательно переводомъ временнаго гарнизона и выючнаго скота, необходимаго для перевозки тяжестей и для разгрузки судовъ, изъ Ново-Александровска на урочища Пинсу и на Сангырлау-Мамай, въ 100 верстахъ отъ Ново-Александровска и въ 30 или 40 отъ моря, гдѣ бы можно было учинить временную пристань. О Мангышлакѣ я ни слова не говорю: въ немъ можно сдѣлать превосходный складъ; но откуда взять верблюдовъ?» Письмо къ Я. В. Ханыкову. Хива. 14 сентября 1841 года. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(25) Мысль о заведеніи на Аралѣ флотиліи и постройкѣ на устьяхъ Сыра города встрѣчаемъ еще въ инструкціи, данной статскому совѣтнику Кириллову въ 1734 г. «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» — Левшинъ. Часть II, стр. 115, 128 и 129.

(26) Записка предсѣдателя оренб. пограничной комиссіи отъ 27 августа 1840 г. Письмо ген.-адъют. Перовскаго къ гр. Нессельроде отъ 5 апрѣля 1842 года, № 275. Автобіографія Антова. Записка, приложенная къ описанію Хивинскаго ханства, Данилевскаго. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(27) Подробности о пребываніи миссіи въ Хивѣ и переговорахъ заимствованы изъ собственноручныхъ замѣтокъ Никифорова и письма ген.-адъют. Перовскаго къ вице-канцлеру отъ 5 апрѣля 1842 г., № 275. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(28) Письмо Никифорова къ Перовскому отъ 2 октября. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(29) Тилля въ 1841 году цѣнилась въ 13 р. 56 коп. ассигн. Письмо Перовскаго къ вице-канцлеру отъ 5 апрѣля, № 275.

(30) Письма Никифорова къ Я. В. Ханыкову и Перовскому отъ 20 сентября и 2 октября. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(31) Съ находившагося при миссіи купца Дѣва взыскано было при отъѣздѣ 7% съ привезенныхъ имъ товаровъ. Письмо Перовскаго къ вице-канцлеру отъ 5 апрѣля, № 277.

(32) Письмо къ Перовскому отъ 2 октября. Послѣ свиданія 11 сентября, Никифоровъ писалъ къ Ханыкову: «Ханъ уѣхалъ на охоту и просилъ меня убѣдительно остаться здѣсь до его возвращенія. Я ему ни на волосъ не уступлю, хотя и тѣшу себя надеждою, что все будетъ исполнено, какъ я доносилъ Василью Алексѣевичу (Перовскому)». Письмо отъ 14 сентября.

Кромѣ деклараціи, въ черновыхъ бумагахъ имѣется еще одно объявленіе хану, писанное рукою Никифорова; но было ли оно подано и когда именно, нигдѣ не сказано. Содержаніе объявленія слѣдующее:

«Его Императорское Величество Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, соизволя на дружественный союзъ и постоянный миръ съ вашимъ высокостепенствомъ, обѣщаетъ вашему высокостепенству и всему Хивинскому ханству высокое покровительство свое навсегда. Для упроченія этого союза и мира, уполномоченнымъ россійско-императорскимъ агентомъ представляются условія, которыми опредѣляются обоюдныя сношенія народовъ другъ къ другу и обязанности вашего высокостепенства къ Россійской державѣ.

«Его Императорское Величество въ безпредѣльной благодати своей жаласть вѣчнаго благоденствія вашему высокостепенству и всему хивинскому народу, да будетъ навсегда упрочено существованіе Хивинскаго ханства. Но существованіе ханства зависить единственно отъ дружественнаго союза и постоянного вѣчнаго мира его съ Россійскою имперіею. И потому, кромѣ извѣстныхъ вашему высокостепенству обязанностей къ Россіи, Его Императорское Величество не менѣе главнымъ условіемъ заключаемаго союза изволить постановлять:

«Чтобы ваше высокостепенство пребывали въ мирѣ и союзѣ съ со-сѣдственными державами: Бухарой, Персіей и Коканомъ, ибо, въ случаѣ раздоровъ съ однимъ изъ сихъ государствъ, Его Императорское Величество принимаетъ въ переговорахъ сторону, основанную на чистой справедливости, и тогда только обѣщаетъ вашему высокостепенству и хивинскому народу защиту и помощь, когда предметъ войны и раздоровъ съ вашей стороны основанъ на ясной, чистой и законной справедливости.

«Его Императорскому Величеству не нужны завоеванія: цѣль его жизни благо его подданныхъ и сосѣдей его. И потому, ваше высокостепенство, не питайте неосновательныхъ опасеній относительно городовъ въ Киргизской степи. Всякій государь распоряжается въ

землѣ своей, какъ признать это пужнымъ, и если бы Его Императорскому Величеству угодно было бы основать новый городъ на своей землѣ, то это не для завоеванія Хивинскаго ханства, а съ цѣлью устройства собственныхъ народовъ. Повторяю вашему высокостепенству, что единственное средство существованія Хивы есть дружественный союзъ и постоянный миръ нашего высокостепенства, потомковъ и наслѣдниковъ вашихъ и всѣхъ подвластныхъ вамъ племенъ съ пресвѣтлою и могущественною Россійскою имперіею.» Архивъ генеральнаго штаба Оренбургскаго корпуса.

(33) Письмо къ В. А. Перовскому отъ 18 октября. Кромѣ того, въ бумагахъ Никифорова сохранился еще и другой вариантъ того же разговора агента съ ханомъ. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(34) Подробныя свѣдѣнія о мѣстахъ кочевокъ этихъ народовъ можно найти въ «Военно-статистическомъ обзорѣ земель Киргизъ-Кайсаковъ Оренбургскаго вѣдомства» Бларамберга, стр. 76—77, и въ приложенной къ этому же сочиненію вѣдомости подъ литерою В, доставленной изъ оренбургской пограничной комиссіи въ началѣ 1845 г.

(35) Прочимъ Киргизамъ было сказано:

«Изъ твоего рода, Сахманъ-Куль, одинъ изъ почетнѣйшихъ предковъ, ближайшій родственникъ твой Джанзакъ, ѣздивъ въ столицу при Императрицѣ Екатеринѣ Великой, чтобы повторить у престола ея вѣрноподданническую присягу киргизскаго народа, былъ самъ облагодѣтельствованъ государынею и привезъ милости ея многимъ другимъ соплеменникамъ.

«О Юлманѣ Тлянчикѣ говорить нечего: довольно, что онъ не смѣлъ показаться въ родъ свой: всѣ знаютъ, что отецъ его былъ тарханомъ по пожалованію россійскихъ императоровъ, что самъ онъ долго пользовался покровительствомъ Россіи, за которое заплатилъ вѣроломнымъ возмущеніемъ легковѣрныхъ соотечественниковъ, увлекъ ихъ къ Сыръ-Дарьѣ, но недолго наслаждался плодами обмана своего: прежніе соумышленники, образумясь, оставили его съ проклятіями, чтобы вновь прибѣгнуть къ неисчерпаемому милосердію Россіи.

«Наконецъ и Юсупъ Сарымовъ, вѣроятно, забылъ о прошедшемъ своемъ: не помнить, что отецъ его, удостоенный тарханства россійскими государями, у русскихъ же властей предательски оклеветалъ благодѣтеля своего хана Нурали, кознями и пронырствами выманилъ у русскаго правительства ханское званіе; когда убѣдился, что въ немъ польза подъ властію имперіи грабить и разорять подчиненныхъ, пытался возмутить ихъ и послѣ неудачи бѣжалъ, чтобы не быть выданнымъ своими же. Юсупъ забылъ, что самъ онъ ѣздивъ съ султаномъ Арсунъ-Газыемъ въ С.-Петербургъ и склонялъ правительство оказать ему военное пособіе для разграбленія Хивы.»

Письмо Перовскаго къ вице-канцлеру отъ 5 апрѣля 1842 года, № 275. Арх. генер. шт. Оренб. корп.

Спустя нѣсколько времени послѣ диспута Антова, Никифоровъ писалъ къ Перовскому:

«Не могу не довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о всеобщемъ желаніи Киргизовъ поступить въ подданство Россіи и избавиться притѣсненій Хивинцевъ. Несчастные Дюртъ-Кара, Кечкене-Чиклы, Тляу и другіе, вынужденные нищетою и падежомъ скота заниматься хлѣбопашествомъ, на берегахъ Сыра и Куванъ-Дарьи, платятъ хивинскимъ притѣснителямъ непомѣрные подати и трепещутъ черной шапки, на комъ бы она ни была. Одинъ Киргизъ Чурековскаго рода, прибывшій въ Хиву съ послѣднимъ караваномъ, узнавъ, что ханъ требуетъ уступки Эмбы, спросилъ купца Дѣева: «Точно ли Русскіе уступаютъ р. Эмбу хану хивинскому?» Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ. При этомъ словѣ Киргизъ сказалъ съ бѣшенствомъ: «Зачѣмъ отдаете нашу землю, и за кого считаете насъ? развѣ мы кузнечики, а не русскіе подданные? Чурековцы не кочуютъ на сѣверной окраинѣ Усть-Урта.» Письмо 18 октября. Арх. генер. шт. Оренб. корп.

(36) Ханъ прислалъ чинамъ миссіи слѣдующіе подарки: Капитану Никифорову—аргамакъ съ сѣдломъ, парчевой халатъ и деньгами 200 тиллей. Поручику Автову—аргамакъ съ сѣдломъ, парчевой халатъ и деньгами 150 тиллей. Письмоводителю—халатъ и деньгами 30 тиллей. Двумъ топографамъ и уряднику—по халату и деньгами 30 тиллей. 10 казакамъ—по халату и деньгами 50 тиллей. 5 купцамъ—по халату и деньгами 50 тиллей. Письмо Перовскаго къ вице-канцлеру отъ 3 апрѣля 1842 г., № 273. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(37) Предписаніе Никифорова Автову безъ числа и №, рапортъ Автова агенту отъ 30 октября и письмо Никифорова къ Я. В. Ханькову отъ 18 ноября съ Айбугира. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(38) Извѣстіе о смерти Никифорова заимствовано изъ отношенія симбирскаго гражданскаго губернатора къ начальнику штаба Оренб. корпуса отъ 3 февраля 1842 г., № 363. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

(39) Письмо къ В. А. Перовскому отъ 18 октября. Арх. ген. шт. Оренб. корп.

ШТЫКОВЫЙ БОЙ (*).

Пуля дура, штыкъ молодецъ!

Суворовъ.

Вѣлое оружіе есть оружіе храбрыхъ.

Въ 1859 году, императоръ Наполеонъ III, объявивъ войскамъ своимъ о союзѣ Франціи съ Пиемонтомъ и о войнѣ противъ Австріи, въ воззваніи своемъ къ арміи, обращаясь къ пѣхотѣ, сказалъ: «улучшенное огнестрѣльное оружіе опасно только на разстояніяхъ дальнихъ; но штыкъ, по прежнему, долженъ быть грознымъ оружіемъ французской пѣхоты.»

Для осуществленія мысли императора Наполеона, приняты были въ пѣхотныхъ дивизіяхъ арміи, назначенной дѣйствовать въ Италіи, слѣдующія основанія:

1) *Нормальный боевой порядокъ дивизіи*: «Баталіоны въ дивизионныхъ колоннахъ на полныхъ интервалахъ, прикрытые цѣпью стрѣлковъ, которые должны поражать непріятельскія массы.

(*) Извлечено изъ французскаго сочиненія: «О новой тактикѣ», полковника Аземара.